

Лидия Сычева

ПОСЛЕДНИЙ БЛОКПОСТ

Очерки

ПОСЛЕДНИЙ БЛОКПОСТ

КНИГА ОЧЕРКОВ

Москва, 2002

ББК 83.3 (2 Рос- Рус)

С 65

Сычева Л.А.

C95 Последний блокпост: Книга очерков. -
М.: Лотос, 2002. - 144 с.

Книгу «Последний блокпост» составили очерки новейшего «смутного времени». Летопись русской писательницы Лидии Сычевой часто печальная, временами веселая, но всегда искренняя и честная. Герои этой книги - матрос с «Курска» и знаменитый писатель, молодая сельская учительница Мария Алексеевна и чеченская красавица Седа, прославленная певица Александра Стрельченко и ветеран Великой Отечественной Иван Кузин. Москва и Казань, Урус-Мартан и архангельская глубинка, древний Хотмыж и созданная воображением Лазоревка - место действий и размышлений автора... «Последний блокпост» - яркая и талантливая книга, написанная для каждого из нас.

© Художник - Татьяна Колганова

© Сычева Л.А., 2002

© Лотос

ISBN 5-86829-004-X

Телестрасти

Лазоревка - деревня отцветающая. А давно ли селом была?! Хутора отпочковывались, народ большие семьи водил без опаски и задумчивости, и церковь - из красного кирпича - служила. Нынче молодежь, какая была, разбеглась; колхоз им. Дзержинского на боку; а церковь, закрытая при большевиках, обобранная при Советах, с украденным прошлый год звоном - стоит. На самом высоком лазоревском пригорке. Радист-рационализатор Дима Глазочкин, местный Левша, пристроил на колокольне телеантенну. А что, у церкви все равно перспектив в Лазоревке нету, а место - надежное. Высокое. Вот с него-то и идет на деревню «вещание».

Кто глупее?

Говорят, что народ в России глуп. По телевизору часто говорят. И, мол, вроде потому он глуп, что уж очень сериалы любит смотреть.

И правда, баба Таня Ушкова, бывало, корову свою, кормилицу Ромашку, кое-как подоит, лишь бы свиданье Марии и Виктора Карено не пропустить. Но глупа ли баба Таня, вырастившая в одиночку двух хороших деток (муж от рака помер)? Сомневаюсь. И что же, спрашивается, не порадоваться ей чужому личному счастью? И

потом задумаемся, кто глупее: кто смотрит или кто показывает?! То-то...

Конечно, местных новостей в Лазоревке нынче дефицит. В основном кто чем болеет, кто чем лечится, да кто от чего помер. Мало созидательности, движения. Вот и обсуждает народ заграничную жизнь. Антон Костин, бывший скотник, в очереди у ларька с хлебом возмущается:

- Вроде бы у нас своих быков нету!

- Вот-вот, - подхватывает Шабалатов, еще один пенсионер, друг Костина, - такую муру показывают: мясной король, да семья, да наследство, да всё одно и то же, - и плюет. Но сериал бразильский, про сельское хозяйство, товарищи смотрят исправно, по часам. Утром и вечером. Потому как лазоревские быки давно уже не в киношном виде - еле ногами двигают. И скотник Сережа Лебедев, вечно небритый мужчина лет сорока, с неухоженными волосами, в обвисших на коленях спортивных штанах, пьяный, шатается все чаще мимо фермы. А в ушах у него - наушники. Музыка слушает. Эстет...

Их страсти и наши ужасы

Зима как заходит, вечера в Лазоревке длинные. Антон Костин и жена его Настя, погружаются в латиноамериканские страсти. Настя, женщина много пережившая, глуховата. Сумбурный, быстрый перевод в сценах объяснения героев недослышит. Спрашивает у мужа:

- Антон, ну а че она к нему пристаёт?

- Чё, чё..., - Антон думает, как ему перевести: «Я знаю, я видела, ты с ней спал, я никогда тебе этого не прощу» и т.п.

- Жить без него не может, вот чё, - находится он.

- О-ё-ё, - возмущается Настя, - нагрбла денег, надурила его, а теперь жить не может!

Пошли титры. Супруги выключают телевизор, обе-

регая его от лишней нагрузки. Но обсудить бразильскую жизнь в подробностях, посочувствовать ихним горестям Костины не успевают: тут как тут баба Рая Лебедева, соседка. Старая, а на ногу быстрая. Примчалась поднять больную тему:

- Что делать с Сережкой? Пье, и пье, и пье, зараза. Алименты той семье платим, а ему кажем: живи, живи с Валентиною! Свататься в субботу придут к ее девке, а отчима нету, пье. Он же, сатана, ехал на велосипеде и в яму, что под воду роют, рухнул и кричит зятю будущему, Юрке, - доставай. Тот вытяг, велосипед целый, а у Сережки палец на руке вывихнутый. А Валентина, она ж его терпит тока из-за хаты нашей, а то б выгнала давно. Но она - молоде-е-е-ц! Молодец! - восхищается бабка Лебедева невесткой, - он лежит пьяный в хате, без движения, она мочалку взяла, с какой в баню ходит, и по морде его - туды-сюды, туды-сюды! А Витьке, внучку, надо сапоги купить. Я кажу Федьке (мужу) - надо хлопцу купить, он же нам помогает. А он: хай Сережка покупает, надо деньги собирать, вдруг какой случай. Оно и правда: и сапоги надо, и сватовство в субботу, хоть бери заем.

Разговоры о займах у баб Раи - одни из любимых. Антон Костин охотно ее поддерживает, но на свой лад:

- Ды вон наши министры тоже денег понабрали - в Америке, у японцев. А чем отдавать теперь, не знают.

- Ая-я-я-й! - сокрушается баба Рая. - Продадут с потрохами нас! Хана народу!

- Хана, - соглашается Антон и шутит:

- Одним алкашам не страшно, им терять нечего...

СМИ недоработали...

День и ночь внушают Лазоревке по телевизору: хана нам всем или не хана, - от нас самих зависит. От нашего выбора. Так что не ошибитесь! Программу «Время» ла-

зоревцы стали ждать как «Последнюю жертву»: что на этот раз скажет разволнованный правдолюб, то и дело сглатывающий слюну? Шофер Суховерхов, из справных, непьющих мужиков, ведущего случайно переименовал. Говорит как-то Суховерхов радисту Глазочкину:

- Дим, ты вчера глядел этого, как его, Пидаренко?

Глазочкин: «Ха-ха-ха!» Язык у него без костей, и как не просил шофер Диму попридержаться, по деревне понеслось: Пидаренко да Пидаренко. Так из-за суховерховской темноты пропала вся агитация.

Ну, ладно. Выборы - вещь серьезная. Соседнее Лазоревке Кашарино - село благополучное, по нынешним временам почти процветающее. А все из-за председателя, Тяглова. Потому как он - хозяин. Газ в Кашарино протянул. Американской кукурузой поля засеял. Клуб молодой семьи открыл. Доехал до Москвы, встретился с Зюгановым, и тот ему ручку с золотым пером подарил. Столько про эту ручку разговоров было - мол, вечная она, чернила в ней сами берутся, заправлять не надо. Одни говорили, что ручка импортная, а другие рассказывали, что наоборот, ручка наша, но царских времен, и потому такая качественная.

Но бог с ней, с ручкой. Решил Тяглов выдвинуться, стать депутатом Госдумы.

А тяжело человеку без привычки в политику лезть. То дебаты на местном ТВ, то компроматы в газетах, то речи на сходках. После одного такого дня сидел Тяглов вечером по-домашнему, в одних трусах, ужинал. Люська, жена, видя его утомленное состояние, одну чарку поднесла, другую... Тяглов - стати осанистой, номенклатурной, но тут его что-то развезло. Глаза налились обидой, кровью. Встал, и ни слова ни говоря, - к порогу. Люська: «Куда?» Ясно ей, конечно, куда: Санька, любовница, недалеко живет. Тяглов прет. Люська взвизгнула: «Не пуцу!» Хватить мужа за трусы, резинка лопнула, они и упали. Но Тяглов столько срама перенес в предвыборной борьбе, и что ему там какие-то трусы! Он гордо через них переступил и пошел к Саньке. Гольный. Стоял октябрь уж на дворе...

Электорат местный был в восторге. И Кашарино, и Лазоревка в полном составе на выборах голосовали за Тяглова. Жаль, все равно он проиграл - в округе три района, и дальние избиратели ничего не знали про Саньку и любовное горение. Недоработали СМИ.

Красота - категория социальная

У шофера Суховерхова двое детей, и младшенькая, Сонечка, симпатичная, сообразительная: пошла в первый класс, а учится на одни пятерки. Сидит воскресным вечером суховерховская семья у телевизора, слушает умные аналитические программы. Сонечка молчала-молчала и вдруг говорит, показывая на Николая Сванидзе пальчиком:

- Пап, неужели у этого дьявола есть жена?

Суховерхов аж поперхнулся: он молоко из кружки прихлебывал. Вся семья по широкой шоферской спине стала колотить кулаками. Еле откачали беднягу.

Что правда, то правда, не на кого в телевизоре теперь поглядеть, путевых людей почти не бывает. Настя

Костина и Таня Ушкова соберутся у колонки побалакать, так стоят долго. Вся обсудят и до телевизора дойдут. Настя вспоминает:

- В году 74-м, бывало, пойду я к Лиде Мостиковой телевизор смотреть - на свой еще не насобирали. А у Лиды, помнишь, сожитель тогда был, Миша. И вот показывают Людмилу Зыкину - а она - полная да хорошая. Я и кажу:

- Гляньте какая она красивая!

Миша аж подскочит:

- Это моя невеста была! Я ж москвич!

Лида:

- Тебе кого ни покажи, ты с ней был!

И задрались...

...А теперь, конечно, людей таких нет. Не из-за кого драться. И будь на месте Тяглова, допустим, Сванидзе, разве Люська стала бы его за трусы хватать?!..

Таня Ушкова тему длит:

- И правда, где они их насобирали, таких гадких, в телевизор: то картавые, то шепелявые, то нечесанные, ну прямо нечистая сила! Вчера вон престольный праздник какой был, так они весь день показывали в рекламе бабьи притыки! Весь день! Специально, что ли?!

Настя Костина мелко крестится и, поглядывая в сторону церкви из красного кирпича, вздыхает:

- Ой, Господи, пропал мир!

Вещание продолжается

За всю Лазоревку не скажу, но Антон Костин Гаранта конституции всегда недолюбливал. Особенно Костин раздражался, когда президент обращался с телеэкрана к зрителям: «Дорогие друзья!»

- Какие ему тут друзья? - бушевал Антон. - За такие слова его выгнать надо и всё. Нашел друзей...

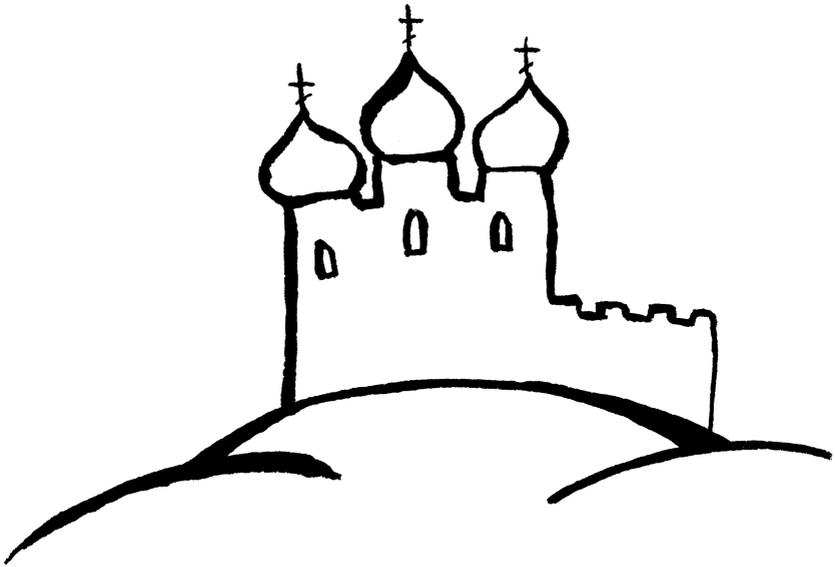
И вот - свершилось. Сам ушел. Антон Костин и Шабалатов в очереди за хлебом обсуждают судьбу Первого президента.

Шабалатов:

- Теперь он поедет на дачу жить, до Аяцкова. Там ему хоромы выстроены.

Антон:

- Да ну, поедет во Францию или в Америку.

- А че эт он туда?

- А где ж ему жить?! Тут и на улицу выйти стыдно...

А Насте Костиной Путин не нравится:

- Поехал в Чечню на Новый год и ножики солдатам раздал! Нашел подарок! Ну кто ему такое присоветовал?!.. На Новый год - ножики. Чтоб весь год дрались...

А Сереже Лебедеву Путин нравится. В редкие трезвые минуты Сережа коряво хвалит нового лидера:

- Он, это, как его, патриот!

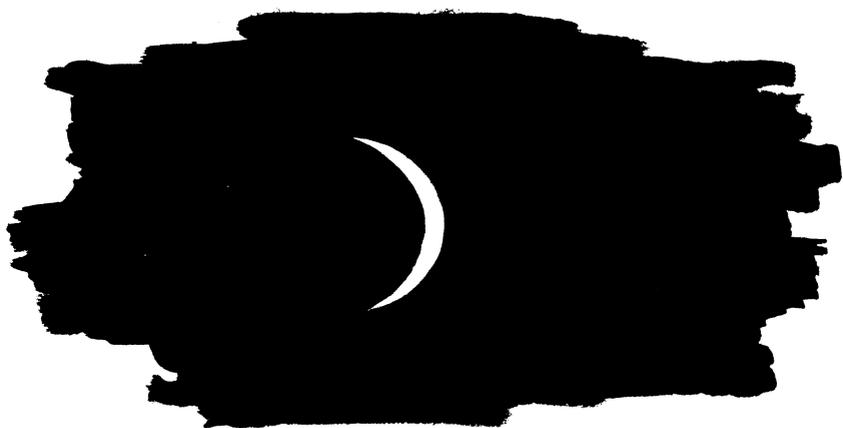
...Лежит, лежит Лазоревка в снегах. Словно во сне заколдованном. Вечером идешь по скрипучему насту - изредка соба-

ки брехнут, улицы темны, и только окна в домах синим светятся. Время новостей. Слушают лазоревцы большую страну. Вжимаются в кавказские горы наши солдатики, детишки наши. «Там их покрошили!» - вздыхает Настя Костина, и долго, долго не может потом заснуть.

Тихо, тихо в Лазоревке. Несколько порядков домов. Обширный, утыканный крестами погост. Пригорок в центре села. И - церковь. С неё и идет «вещание» на тихую, сумеречную деревню...

январь 2000

Неизвестный народ

Сначала я увидела горы. Вершины их были сияющими, чистыми, такими, будто никто до меня на них не смотрел. Вечные горы. А мама говорила: «Горы - это к горю...» Красота и - смерть?! Горы остропикие и горы сгорбленные, горы - как собравшиеся плечом к плечу великаны. А люди - внизу. На равнине и в предгорье. В домах и селениях. В окопах и бэтээрax. В пещерах и на площадях... Я приехала в Чечню.

...А что мы, русские, знаем о чеченцах? Ничего мы о чеченцах не знаем. Мы, русские, сами о себе ничего не знаем...

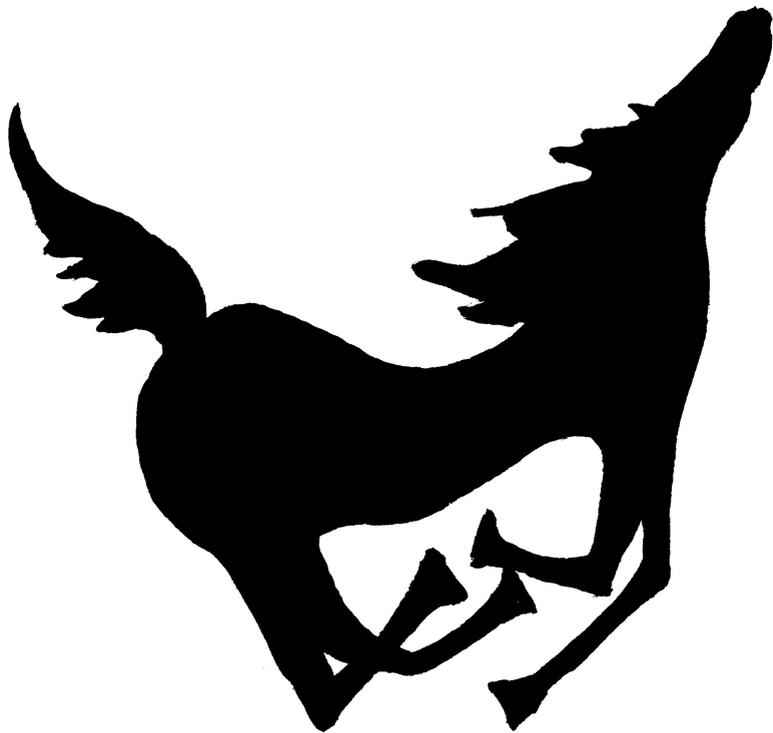
В Чечне, в Урус-Мартане, семья Гадаевых подарила мне редкую книгу «Кавказцы», 1823 года издания. Вот что пишет составитель Семен Броневский: «Чеченцев разделить можно по приличию 1) на *Мирных*, 2) *Независимых*, 3) на *Горных Чеченцев*. Мирные, то есть покоренные оружием, живут по правому берегу Сунжи в 24 деревнях... Имея в своем владении плодороднейшие земли, пахотные и сенокосные, при изобилии вод и лесов, упражняются в земледелии и скотоводстве... *Независимые* или *неприянные Чеченцы* живут, начиная от подошвы Черных гор на полдень, в самые горы до высокого шиферного хребта, по рекам, впадающим в Аксай и в Сунжу. В число сих независимых Чеченцев находятся отделения, называемая собственно *Горными Чеченцами*... Они-то славнейшие в Кавказе разбойники».

Далее автор описывает традиционный разбой местных жителей: малые шайки от 5 до 20 человек перебираются через Терек, таясь, подстерегают неосторожных путешественников или «работающих в полях худо вооруженных земледельцев». Когда добыча захвачена, ее переправляют в Чечню, и если пленник зажиточный человек, офицер или купец, то его «приковывают за шею, за ногу и за руку к стене, худо кормят, не дают спать и потом через несколько дней приносят бумагу, перо и чернило». Назначается выкупная цена, письмо через третьи руки доходит в Россию. Если же пленник простой человек, то его продают на базаре в Андреевской деревне. Старых и увечных определяют в пастухи.

Составитель книги заключает: «Таково главнейшее упражнение Чеченцев, обнаруживающее зверский их образ жизни в высшей степени». А что же Мирные Чеченцы? «Мирные Чеченцы, не смея то же делать явным образом, помогают своим соседям, покрывая их разбой...»

К чему эти пространные цитаты? К тому, что из песни слов не выкинешь. Отстреленные пальцы, видеокас-

сети с мучениями пленников, долларové цены за заложников - лишь «модернизация» старинного промысла. Будем откровенны - в одной же стране живем - этим грязным «бизнесом» в последние десять лет занимались не латыши с украинцами, не евреи с азербайджанцами, а чеченцы. В подавляющем большинстве случаев.

* * *

Нигде так часто не услышишь слово «Родина», как на Северном Кавказе. Отечество, Отчизна, Отчий край... Мужчины говорят о Родине с большим чувством и с большой любовью. Здесь всегда будут писать это слово с большой буквы. Не чеченец, правда, а осетин высказал мне

свою обиду: «Слушал сегодня «Русское радио», а там ведущий, Фоменко, со словами играл. Болтал, болтал, забалтывал, и получилось у него не «Родина», а «Уродина». Так и сказал: «Наша уродина». Ну нельзя же так!»

Господи, какой кошмар! Какой чеченец, или осетин, или карачаевец, или ингуш будет нас уважать?! Название-то какое: «Русское радио»! Фамилия-то какая, мало-российская, - Фоменко! Это ж не Арби Бараев! Мы, наверное, очень сильны, если можем хихикать над святыми понятиями.

Из письма Президенту России Б.Н.Ельцину от жителей станицы Ассиновская: «24 мая похищенная из своего дома восьмиклассница Лена Назарова была зверски изнасилована группой из шести человек. В апреле 1994 года насильно изгнана из дома семья Съединых: мать, дочь и ее трое детей. Их жилью захвачено чеченцами. Семья вынуждена скитаться. 13 мая 1994 года. Вооруженные бандиты врываются в дом Каминиченко. Зверски избиты мать и бабушка. Тринадцатилетняя Оксана изнасилована и увезена в неизвестном направлении.»

Из письма жителей Наурского и Шелковского районов Черномырдину, Шумейко и Рыбкину: «Забит до смерти А.А.Просвилов, расстрелян за рабочим столом замдиректора Калиновского СПТУ В.Беляков, ранен и ослеп директор этого училища В.Плотников, зарезан и сожжен начальник нефтячки А.Быков, зарезана бабушка 72 лет А.Подкуйко...»

И еще 500 тысяч русских, вышвырнутых из Чечни, - какой газеты или какой книги хватит для описания их страданий?! Хочется спросить: что же наше русское радио, русское телевидение и русское правительство, такое улыбчивое, ироничное, раскованное, такое все-сильное и вальяжное, их не защитило, бросило на поругание?! Мы, русские, ничего о себе не знаем и знать, видимо, не хотим...

* * *

Но вернемся в дом Гадаевых, дом, где я провела одну из гостеприимных «чеченских» ночей.

В дом меня привел хозяин - Султан Гадаев, начальник управления культуры Грозного. А жена его, Алла Георгиевна, учительница начальных классов. Русская. Правда, совсем, на мой взгляд, очечененная - в чертах лица, причёске, одежде, манере говорить. Но и хозяин «оевропеен» - в отношениях супругов я не уловила никакой восточной церемонности. И квартира у них городская, в несколько комнат. А детей - четверо. Старший, Рустам, в Нальчике живет. Девочки-близняшки, Карина и Марина, отчасти определенные: Марина вышла замуж, ждет ребенка. А младший, Тимур, дома. Он закончил школу. Смуглый, высокий подросток. За время нашего разговора Тимур не проронил ни слова. Только время от времени подходил к буржуйке, подкладывал в неё дрова - сырые ветки орешника. Печка установлена в комнате на кирпичах, труба выходит в окно... Мы говорим о войне, о прошлой жизни, о том, что нас ждет впереди. «Тимур вырос, а у него даже мечты никакой нет, - грустит мать, - ведь последние годы мы перебивались как могли. То дрова собирали, то по подвалам прятались, то от войны бегали. Осталось одно богатство - дети». Мы сидим в совершенно пустой комнате. Только два стареньких кресла, журнальный столик у стены и диван. На окне нет занавесок, а в самом окне вместо стекла - целлофан. И потолок - в трещинах. И на стенах - следы осколочных ранений.

Но есть электричество, и мы рассматриваем фотоальбомы - свидетельства прошлой, счастливой жизни. Вот Султан в молодости - ах, какой красавец! А вот Аня в черкеске - терская казачка - танцует в самодеятельности. А вот они вместе - завидная пара. Местная газета публикует в сентябре 1976 года заметку о Гадаевых «Семейное счастье». Пожелтевшая газетная правда среди

множества фотографий - первое сентября, огромные банты близняшек, серьезные урус-мартановские пионеры вместе с педагогами на Мамаевом кургане, девочки в национальных костюмах, концерт на центральной площади... Какие счастливые лица! Неужели все это с нами было?!

Свет внезапно гаснет. Хозяева зажигают свечу. Слышно, как на окраине города начинает работать артиллерия - глухие громовые раскаты. «Это моя Родина, - говорит Алла о Чечне, - и мне за нее обидно...» А Султан рассказывает, как мародерничают взвэшники и омовцы, и что в каждом подразделении есть «мочило» (от слова «мочить», т.е. убивать). Он сам попал в первую войну в такие переделки на блокпостах, что «спина становилась мокрой». А от федералов все ждут справедливости...

Утром я проснулась от пения петухов - в Урус-Мартане в основном частные дома. Сельская идиллия время от времени перемежалась артиллерийскими залпами. Но петухи все равно пели. Они, видимо, и не такое пережили.

Покидая этот гостеприимный дом, я хотела спросить у хозяев: как же так вышло, что вы, такие разумные, начитанные, образованные люди, посадили себе на шею бандитов и насильников, грабителей и убийц? Но я ничего не спросила.

Чеченцы, и не только благополучная семья Гадаевых, но и представители какого-нибудь мафиозного клана, грабящего московские офисы, имеют полное право спросить: а что же вы, русские, посадили себе на шею такое правительство, что вас погнали отовсюду - из Чечни и Прибалтики, из Таджикистана и Казахстана? Намто, «славнейшим на Кавказе разбойникам», простительно, а вам? И это народ - Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Георгия Жукова?! Мы, русские, забыли о себе все...

* * *

Известная журналистка с наирусской фамилией Калинина пишет о первой чеченской войне: «Из города по дамбе пришли в чернореченский штаб [боевиков] человек десять солдатских матерей. Ходят пешком по Чечне, ищут сыновей... Одна пара - муж и жена - ищет сына. Он срочник, воинская специальность - снайпер. Показывают фотографию... Командир боевиков пожимает плечами: нет, не видали такого, не попадался... Они уходят. Командир вдруг говорит: «А этот сын их. Снайпер... Расстреляли мы его на той неделе. Вон под тем деревом он зарыт. В плен их тогда взяли. Двое молчали, а этот стал рубаху рвать: «Я вас, гады, убивал и буду убивать!» Ну куда его? Расстреляли. А молчал бы - ничего б ему не было. Обменяли бы потом на наших».

Нужны ли комментарии? У нас журналисты, как врачи, оказывают «первую помощь» всем, без разбору. Боевик, как явствует из того же текста, благородный человек: и журналистку приютил, и родителям хлеба дал. А мальчишка-снайпер - ну вроде дурачка. С чеченцами в храбрости вздумал состязаться. И нету его больше. Родителям - горе на всю жизнь - хоть бы могилу сына нашли. Но зато какие у нас журналистки, какие женщины! Афродиты. Мадонны. Б...ди.

И вот я сижу в доме Исы Тимаева среди чеченских женщин. На кухне. А мужчины во дворе жарят шашлык. Это чисто чеченская семья, и жена Исы, Фатима, строго обычаи соблюдает: как гостей принять, как мужу ответить, как детей воспитать. Младшей дочке нет еще, кажется, и года, но и она молкнет в присутствии мужчин и зря глаза никому не мозолит. Умеют в Чечне растить детей.

Мы разговариваем на кухне, за столом, попиваем чай, и компания собралась приличная: хозяйка, Фатима, родственницы Шура и Бэла; беженки из Ведено, которые живут в доме Исы, - Таисия и Седа; и я - гостья

московская. Поначалу пошли разговоры про войну, обиды: про пьяных эмчезовцев, бомбежки, погибшее Комсомольское, про неправый суд, грубость и оскорбления федералов, про вымогательство вэвэшников и омовцев, - я молчала. В словах чеченок было много правды, но я-то им свою сказать не могла! И тогда женщины стали вспоминать хорошее - как незнакомый офицер шепнул родителям одной из женщин, когда их выселяли в Казахстан, взять всё необходимое, какие замечательные подружки были у Фатимы, когда они с мужем жили в Красноярске, как нравится Седе Москва - она прожила в ней почти год... И какая прежде была замечательная жизнь - все дружили, ездили по всему СССР, и к ним приезжали, и главное - не было войны...

А я хвалю дом Исы и Фатимы - просторный, добротный, в два уровня, кирпичный снаружи, деревянный внутри, потолки затянуты блестящей тканью, на стенах ковры, двери раздвижные. А еще у Исы замечательная библиотека, книги подобраны с большим вкусом. В комнатах - красивая новая мебель.

Хозяйка радуется моей похвале: «Ну что вы! Это еще война, все запущено, а так вы и пылинки не найдете!» Меня повозили по чеченским селениям, повидала я здешние дома. Даже развалины на окраинах Комсомольского - впечатляют. Это очень прочные кирпичные строения, просторные, сделанные с размахом и шиком, и видно, что хозяева их - люди не без достатка. Эти дома совсем не сравнимы с вымирающими развалюхами в Архангельской ли, Владимирской или Костромской области. Только не надо сразу делать вывод о том, что русские - бездельники и пьяницы, а чеченцы - трудолюбивые домостроители. Пока русские возводили бесчисленные заводы и ГЭС в национальных республиках и автономиях, ютились в «шанхаях», времянках и общезитиях, питаюсь комсомольским и партийным энтузиазмом, местные просто обустроивали свою жизнь. На

исконных землях. Ведь где бы чеченец ни умер, хоронить его везут на Родину. А брат моей бабушки, дед Артем, рабочий нефтезавода, умер в Грозном, и где теперь его могила? И сестра моей бабушки, тетка Ирина, умерла здесь... Ну и кого мы удивили своей добротой?! Интернационализм - чума XX века. Вот и Гавриил Попов, грек и демократ, вдруг стал беспокоиться: «Русские вымирают... Надо им помогать строить дома, заводить семьи... А то у русских нет цели в жизни». И еще раз двести в короткой статейке повторил - «русские». Прямо баркашовщина какая-то. И специально добавил - «не россиян я имею в виду, а именно русских».

Поздно. Русским бабушкам детных семей уже не водить, а у поколения пепси, на пестование которого положила столько сил наша демократия с лицом Гавриила Попова, нет Родины. Есть у них «уродина», «Русское радио» и Фоменко.

* * *

Была ведь, была у чеченцев возможность построить свое государство. Без русских. Без одиозного Дудаева. Гордая, свободная, независимая Чечня. Цивилизованная. Ничего не вышло. Народ здесь здоров работать - на себя, на свою семью и даже на свое доброе имя. А на государство - нет, не привычен. И тогда работу по государственному строительству заменили идеологической идеей - ваххабизмом. Результат - известен. В сущности, как это ни парадоксально, может быть, звучит, ваххабизм есть разновидность интернационализма. Перманентная революция, по Троцкому, продолжается...

Женщины вспоминают урус-мартановских ваххабитов: «Каких тут только не было! И арабы, и негры, и еще какие-то узкоглазые, с длинными волосами, заплетенными в косы. Что это за нация?! Может, малазийцы? Были и светловолосые, европейской внешности, и кавказцы, ну и наши, конечно... Домов быстро себе понаст-

роили, жен начали брать. Бывало, идут четыре жены на рынок, все вместе, смеются, разговаривают между собой... Чудно нам это!..»

Не откладывая разбойничьих походов за Терек, ваххабиты начали похищать людей и «на местах», выбирая семьи позажиточней. Лечо Мамацуев, нынешний замглавы администрации Урус-Мартановского района, рассказывал, как украли его отца, два месяца пытали. Дальнейший путь известен: видеокассета, шантаж, требование денег... Но уже шла вторая война, и отца удалось выручить. Лечо не только в администрации курирует «силовиков», но и внешне человек очень сильный - высокий, широкоплечий. Кассету он не смотрел - друзья ему не посоветовали. «Ты, Лечо, этого не выдержишь...»

Чеченские женщины обижаются: «Выдумали какое-то прозвище - «лицо кавказской национальности». Лечо обижается: «По телевизору и радио говорят: «Чеченские бандиты». Не чеченские, а ичкерийские. Разве можно вешать бандитское клеймо на целый народ?!» Лечо, конечно, прав. Люди, действующие в ущерб своему народу, перестают ему принадлежать. Это - «граждане мира», вечные пилигримы. Чеченцы посадили себе на шею не чеченских бандитов, а ичкерийских. Русские посадили себе на шею вовсе не русское радио, телевидение и правительство, а насквозь интернациональное, лишённое вообще представления о том, кто такие русские, башкиры, татары, чеченцы, немцы и т.п. Воистину бессмертен ленинский тезис: «Пролетарий не имеет своего Отечества».

* * *

На центральной площади Урус-Мартана, неподалеку от того места, где находилась «расстрельная» стена, я разговаривала с чеченским учителем, который просил не называть его имени. Мудрый, многопоживший

человек, он говорил: «Надо знать наш народ. Чеченцы никогда не будут воевать с чеченцами - у нас есть обычай кровной мести. Вот почему чеченцев надо сделать друзьями. Как? Нужно оказать чеченцу доверие, и вернее друга у вас не будет».

Итак, для того чтобы «держать» пространство государственности, в Чечне необходима внешняя сила - федеральные войска, власть. Но оглядываясь, на первую чеченскую войну и на действия Центра во вторую, любой здравомыслящий человек поймет, что и чеченцев, и русских в этом затяжном военном конфликте использует некая третья сила. Война - это людские потери с обеих сторон, и прежде всего мужского населения; война - это многомиллиардные вложения и списания средств; война - это, наконец, сильнейший пропагандистски-информационный повод, с помощью которого населением и мировым общественным мнением можно легко манипулировать. Покуда идет война, не будет покоя ни в России, ни в мусульманском мире. Надо ли объяснять, что сил, заинтересованных в подобной дестабилизации, предостаточно?

Армия, воюя с боевиками - где плохо, где хорошо, а где и героически - задачу свою выполняет. Чеченские отряды Беслана Гантамирова, люди из новой администрации в очередной раз сражаются за мир - доверие их в первой кампании уже обманули. Допустим, боевиков разрешат в этот раз «додавить» (хотя время от времени ползут слухи о возможных переговорах с Масхадовым). Что дальше? Неужели уцелевшие русские вернуться в Чечню, как ни в чем не бывало? В чем вообще смысл политики России на Северном Кавказе? И какой авторитет здесь будет иметь федеральная власть, которая не может навести порядок в Москве, Санкт-Петербурге, других крупных городах, сферы влияния в которых поделены преступными группировками, зачастую с «кавказским лицом»?

* * *

Мой рассказ о поездке на Северный Кавказ был бы неполон, если бы я не остановилась на некоторых особенностях чеченского гостеприимства.

Семен Броневский в книге «Кавказцы» пишет: «Дружба (куначество) и гостеприимство соблюдается между ними [чеченцами] строго по Горским правилам и даже с большею против прочих народов разборчивостью: гостя в своем доме или кунака в дороге, пока жив хозяин, не даст в обиду».

И вправду, гостей здесь принимают очень сердечно, подчеркнуто церемонно, и любое желание гостя, без обсуждений, будет немедленно выполнено. За гостем здесь постоянно следит предупредительный, внимательный глаз, присутствие гостя всячески подчеркивается, поступки его - не обсуждаются. В конце концов гостевание так утомляет приезжего, что он не чаёт, как оказаться дома. В этом, в сущности, и состоит великий смысл этого обычая - пусть гость постоянно помнит, что он здесь временно, и не забывает - кто в доме хозяин.

Русское гостеприимство иное - хозяева, по безалаберности ли, доверчивости, человека, приведенного в дом, сразу ставят в равное себе положение. Тут - вся душа нараспашку, и застолье вполне потасовкой кончиться может, а дальше - взаимные покаяния, клятвы верности, и - не исключено, новые сражения... В общем, «каков гость, таково ему и угощенье».

Но есть и другая пословица: «Гости навалили, хозяина с ног сбили». Кто возьмется сосчитать: сколько китайцев перевалило сейчас через границу России, скупило земли, фирмы и фирмочки в Благовещенске, Чите, Иркутске? Сколько азербайджанцев и грузин «взяло» рынки в Москве, Воронеже, Петрозаводске? Сколько армян основательно поселилось в Краснодарском крае? И - обратный отсчет. Сколько русских в Китае? Сколько русских контролирует бакинские рынки? Сколько рус-

ских школ в Ереване? И, наконец, сколько русских чувствуют себя хозяевами в Чечне?

Так не пора ли нам, русским, вернуться домой, обустроить свои жилища, нарожать детей и обрести, наконец, Родину? Не пора ли нам повторить вслед за великим князем Александром Невским: «Чужой земли не хотим, но и своей - не отдадим!» Не пора ли нам сбросить с себя груз «интернациональной отзывчивости» и обрести, наконец, национальную ответственность?! И разве все народы России, многонациональной нашей Родины, не вздохнут тогда с облегчением?! Без русских не будет мира ни в Подмоскovie, ни на Дальнем Востоке, ни на Кавказе...

*Урус-Мартан - Грозный - Москва,
апрель 2000*

Ненаписанное интервью

Виталия Канавкин, редактор отдела культуры нашего «Глобуса», просто бредил книгами писателя Солоухина. «Нет, - хватал он меня за руку в коридоре, - ты послушай!» - и гнал наизусть какое-нибудь солоухинское описание природы, застолья или женщины. Память у Витали изумительная, читает он с выражением, с завываниями, как радиоартист. В таких случаях я не знала, как вырваться. Канавкин цитировал, комментировал, закатывал глаза, впадал в нервное возбуждение, сходное с морфиническим; так проходил час, начинался другой... Спасением было одно - если в коридоре вдруг появлялась новая жертва, потенциальный слушатель. Тогда Виталия ослаблял цепкость захвата, и я малодушно скрывалась в своей комнате.

Канавкин - личность незаурядная. Душа его - полигон страстей, воплощение закона единства и борьбы противоположностей. Мать у Витали - русская, отец - еврей.

- Ну ты посмотри, какой жид! Типичный, местечковый жид, - философски рассматривал себя Виталия, стоя перед зеркалом в моем кабинете. При этом он выпячивал небольшое, яйцообразное пузцо (вообще он был тощий, как щука), отквашивал нижнюю губу, нос его характерно загибался, глаза приобретали скорбную влаж-

ность, и в целом он действительно походил на гримированных евреев из театра Марка Захарова.

- Пейсов не хватает, - ехидничала я. С национальным вопросом у нас было все в порядке:

- Ваши-то вчера опять номер выкинули, - говорила я Витале после выходных, пересказывая очередную телепроказу, - добром не кончится, ищите все приключений на свою библейскую голову!

Канавкин хихикал, как человек, застигнутый в момент вынашивания аморальных мыслей, и соглашался. Иногда, правда, его реакция на проделки соплеменников была бурной:

- Иуды! - орал он. - Суки! - голос его становился выше. - Гореть всем в огненной геенне! - Виталя был крещеный и верующий.

Но журналистская работа есть процесс творческий, разногласия в нем неизбежны. Редко - раз или два в год - мы с Виталей крупно ссорились. Канавкин мгновенно переносил стилевые, жанровые или организационные нестыковки на национальную почву.

- Антисемитка! - истерически топотал он в коридоре перед моим кабинетом, при этом представители всех национальностей, населявшие нашу редакцию, панически захлопывали двери. Наступала могильная тишина. Виталя продолжал бесноваться:

- Юдофобка! Националистка! - визжал он в театральном экстазе.

Как «старшей сестре» крыть мне было нечем. Я молчала. Спустя некоторое время Канавкин приходил мириться.

- Оля, - покаянно начинал он. - Я дурак! Ты знаешь об этом, - я горько смотрела в сторону. - Ну, прости, прости, - мурлыкал он, подлизываясь. Эффекта не было. - Ударь меня, подлеца, сволочь, скотину! - в праведном пафосе возвышал он голос. - Да, я плохой, злой, у меня тьма недостатков! - я чувствовала, что если сейчас же

не отвечу прощением, то покаяние превратится в представление.

- Ладно, мир, - торопливо прерывала я Канавкина.

Он садился рядом, бессчетно сыпал веселыми несуразицами, чутко следил за выражением моих глаз, как то особенно фальшиво мне поддакивал.

- Что еще? - подозрительно морщилась я.

- Ты не можешь дать мне пятьдесят рублей? Или сто? - наконец сбрасывал он с души камень. - А то поиздержался, как Хлестаков...

Культурная политика нашего журнала была так же противоречива, как и личность Витали. В одном номере можно было прочесть «Россия, Русь! Храни себя, храни!», в другом - «Россия - мать-алкоголичка, отец ее - тамбовский волк»; рядом с приличными рассказами соседствовали порой ужасные стихи (я до сих пор помню строчку «сушку в чаю мочи», между тем, речь здесь шла не о сдаче анализов, а о мирном философском чаепитии); культурную хронику в зависимости от обозреваемых событий Виталия подписывал либо маминой фамилией «Канавкин», либо папиной - «Фогельсон». Характер материалов на полосах определялся тем, в лицо какой национальности и в какие идеи был в данное время влюблен Виталия. Чувства его были горячи, но не глубоки, увлекался он часто, отрекался не реже, влюблялся физически и платонически, в мужчин и в женщин, в прекрасное и безобразное. Кумиры сотворялись и рушились, и лишь один из них - Владимир Солоухин, был незыблем и вечен, как лохматый красный свитер Канавкина.

Наконец мне надоели «солоухинские чтения» в коридоре, и я спросила:

- Виталия, если ты его так любишь, почему не делаешь с ним интервью? (Втайне я тешила себя мыслью, что, вылившись на бумагу, энтузиазм Канавкина иссякнет.)

- Я боюсь, - вздохнул редактор. - Да, боюсь, - он

воодушевился этой мыслью и бросился ее развивать: - Кто я, что я, по сравнению с Владимиром Алексеевичем! Ноль без палочки, речка без берега, тварь дрожащая, вошь безродная, - самобичевание было в числе его любимых занятий. - Потом, разве он согласится? - в печати как раз прошла информация, что Солоухин тяжело болен. - Как, что я ему скажу? У меня спазмы горло схватят, - трудно было представить такую ситуацию, но я смолчала. - Вот если бы с тобой, - спасительная идея пришла к нему в голову, - с тобой я хоть на край света, хоть к сатане!

Остаток трудового дня Виталя потратил на мое уламывание. Я поняла, что попалась.

- Ладно, - сказала я. - Так и быть, пойду. В качестве эскорта. Безмолвного, почетного сопровождения твоей трусливой персоны. Но учти: текст писать будешь ты, вести беседу - тоже, - и Виталя утвердительно затряс головой, как китайский болванчик.

Теперь уже я надеялась, что Солоухин нам откажет. Канавкин с величайшим благоговением положил передо мной мятый клочок бумаги с телефонным номером.

Трубку взяли на шестом или седьмом гудке, глухо сказали «да».

- Владимир Алексеевич? - не вполне веря услышанному, удивилась я.

- Он самый, - охотно подтвердил Солоухин своим знаменитым владимирским говорком.

Я сообразила, что надо брать быка за рога, ковать железо, пока горячо, договариваться немедленно. «Старик может быть глуховатым», - мелькнуло у меня в голове, и я усилила громкость:

- Мы, сотрудники журнала «Глобус», Ольга Брянцева и Виталий Канавкин, просим Вас дать для нашего издания интервью!

- Орать-то не надо, - степенно заметил Солоухин

и в такой же раздумчивой манере назначил нам место, день и час.

Виталья плясал от радости «русскую» под собственный аккомпанемент, я хмурилась. Прикидывала: успею ли до послезавтра что-то перечитать? Не сидеть же толкушкой между двумя мужиками при умной беседе! И я рванула домой, к книгам.

Мы договорились с Виталей встретиться у платформы «Переделкино» и в первые секунды не узнали друг друга. Канавкин сменил свой красный свитер на рубашку с пиджаком; одежда была в разноразмерную клетку, и редактор отдела культуры сильно смахивал в ней на афериста начала века. Я тоже поступилась принципами - ходить на задания в брюках и в обуви без каблуков. На мне был весьма легкомысленный костюмчик, выгодно подчеркивающий то, что принято подчеркивать, и туфли на шпильках. Странная пара полюбовалась отражением в витрине пристанционного магазина и двинулась к кладбищу - Виталья утверждал, что это самый короткий путь к искомому дому.

Стояли майские дни, по-весеннему яркие, с молодым солнцем, с еще не затоптанной и не запыленной травой; пахло свежим листом, обновленной хвоей, подсыхающей глиной. Странно было в такой день лезть через чужое кладбище, да еще не вполне ухоженное. Большая часть растущих здесь деревьев и кустарников была поражена болезнью - кроны умирали, опутанные тяжелой, темно-серебряной паутиной. Туфли мои скользили по узким и грязным дорожкам, я проклинала свою глупость и Виталину тупость, грозилась, что ремонт обуви будет оплачивать он.

- Молчи, женщина! - витийствовал Канавкин и цинично декламировал:

- Чем о туфлях пектись, смотри, сколько евреев лежат в земле сырой, не ведая забот! - он читал вслух

нерусские фамилии с памятников.

Но все, в том числе и кладбища, кончается. Вскоре мы подошли к двухэтажному дому с облупленными голубыми ставнями. Во дворе сиротели старые белые «Жигули» с проржавленными местами кузовом. Мы двинулись вокруг дома в поисках входной двери и увидели белоголового невысокого дедка. Я открыла рот, чтобы спросить его: не знает ли он, где живет писатель Солоухин?; но в эту самую секунду Виталя, утробно екнув, воздел руки вверх и закричал со слезой в голосе, ставя каждое слово отдельно:

- Владимир! Алексеевич! Это! Мы! Журналисты! Пришли!

- Здравствуйте, - основательно сказал писатель.

- Здравствуйте, - растерянно сказала я и наконец-то закрыла рот.

Жалость сжала мне сердце: нас ждали. К нам готовились, для нас принарядились. По давноненадеванной сорочке шли складки, образовавшиеся от долгого хранения. Брюки были высоко поддержаны - гораздо выше талии - отчего писатель казался ниже ростом.

Сопровождаемые Виталиной болтовней, мы поднялись на второй этаж, в кабинет. У журнального столика горела настольная лампа, разгоняя полумрак от зашторенных темным окон. В просторной, даже чересчур, комнате тонули книжные полки, массивный письменный стол, редкие, одинокие стулья... Я споткнулась о пустую бутылку «Белого медведя», и она долго катилась по полу.

- Пиво-то я люблю, - заметил Солоухин.

Мы угнездились втроем у журнального столика, Виталя настроил диктофон. Теперь, вблизи, я узнавала и признавала в этом пожилом человеке известного писателя, чьими книгами когда-то зачитывалась. Лицо его было землисто-бледно, устало; глаза потеряли глубину и выразительность, черты одрябли; жизнь умирания

начиналась в нем, но и эта жизнь - жизнь; он походил на большую, широкую, мелеющую реку, которая, даже погибая, несла прежнюю воду.

А беседа не пошла. Казалось, что Виталя знал о солоухинских книгах больше, чем автор. Канавкин подобострастно фанатствовал, льстиво цитировал, делал лестные сопоставления. Все без толку: писатель откровенно скучал, пару раз с трудом удержал зевоту, поддакивал вяло, а если и пускался в рассуждения, то они были донельзя вторичными по сравнению с его же собственными произведениями. Пытка литературой продолжалась минут сорок. Но вот Виталя дошел до мирского:

- Владимир Алексеевич! А книги-то у Вас сейчас выходят?

Писатель оживился - похвастать ему было чем - как раз начался выпуск его собрания сочинений. Мы склонились над одним из томов, разглядывая вклейку с фотографиями.

- Вот родители мои, - объяснял Солоухин, ударяя на о, - вот дом наш в Олепино...

- Хороший дом! - невольно вырвалось у меня. Да и как не оценить высокий фундамент, фасад в пять окон, богатую крышу?!

Солоухин и бровью не повел. Продолжал:

- С ребятами в Литинституте, после войны. А это на съезде писательском. С Солженицыным в Вермонте, в Америке...

Фотографии закончились. Виталя снова взялся за работу:

- А Вы современную литературу читаете? Пелевина там, Сорокина?

- Сорокина да, хорошо знаю, поэта, Валентина; а молодой человек ко мне приходил на днях, не помню его фамилии, просил рекомендацию в Союз, так читать невозможно. Но я дал, не жалко.

И эта тема была исчерпана. Тогда Виталя закатил

очередной многоминутный монолог, уловить смысл которого не представлялось возможным. Очнулась я на слове «евреи», которым Канавкин закончил речь.

Тут-то и наступил перелом в нашей встрече. Слово за слово - и Солоухин разошелся.

- Если разобраться, - рассуждал он, - они мне лично ничего плохого не сделали, еврей-то. Наоборот, много хорошего, - писатель приводил примеры, - а от русских сколько я пакостей перенес - не передать! Но не в личной моей судьбе дело, сами понимаете. Они, - тут писатель нехорошо покосился в мою сторону, - что с родиной нашей сделали после 17-го года, сколько крови народной пролили! Знать-то, помнить надо это или нет?

Виталя подобострастно кивал, я прятала улыбку. И смех и грех: двуликого Канавкина-Фогельсона писатель принял за красно-коричневого патриота и понес ему свои печали. Лекция была популярной, но содержательной - и на убийстве царской семьи остановились, и на Ленине-сифилитике (тоже, кстати, еврее), на уничтожении храмов православных, осквернении святынь, да и мало ли в нашей истории болящего и кровавого, когда к отечественной дури примешивался чужой злой умысел?! Солоухин последовательно, доказательно осваивал тему, Виталяно лицо перекашивали гримасы, которые могли сойти за ответ народных страданий, но Канавкина, если и корезило национальное чувство, то скорее «папино», чем «мамино».

Дошли до писателей.

- Откройте справочник, - авторитетно внушал нам рассказчик, - поглядите: восемьдесят процентов Московской писательской организации - евреи. Почему не армяне или нивхи какие-нибудь? Представьте: восемьдесят процентов нигерийских писателей - русские! Возможно ли такое?!

Для Витали, похоже, наступал момент истины.

- Владимир Алексеевич, а писатель Анатолий П., как вы считаете, кто такой? - робко вопрошал Канавкин.

- Жи-и-ид, - удивлялся его наивности Солоухин.

- А Б. и М.?

- Тоже жида, - вздыхал писатель, - махровые, знаете ли...

- А поэт В.?

- Этот - полужид, да, Ондрюша-то, погорелец...

Они увлеченно поговорили еще некоторое время о евреях примерно в такой манере, в какой школьные учителя обсуждают на педсоветах неисправимых двоечников или как служители зоопарка делятся друг с другом о повадках любимых, но полужа руку на сердце, глубоко бестолковых мартышках. «Пора», - решила я и легонько наступила под столиком Витале на ногу. Он уловил условный знак, и лицо его острадалилось. Я наступила второй раз. Канавкин зачистил:

- Вот, Владимир Алексеевич, вы не подумайте чего плохого, я не хотел, а Оля говорит: давай, что тут такого?; Вы конечно, можете обидеться, но Оля (он спешил меня «сдать»), короче, мы принесли вам бутылку водки и банку огурцов!

- Да? - приятно удивился писатель и впервые посмотрел на меня с любопытством, - так давайте выпьем!

«Где огурцы, тут и пьяницы». Мы перешли в другую комнату. Она мне показалась еще больше и еще пустынее. Иконы в киоте, в сверкающих позолотой окладах; огромный, бильярдных размеров стол. Огурцами мы, конечно, не ограничились. Я взялась организовывать закуску, и писатель разрешил мне потрянуть свой холодильник. Голого места вокруг бутылки не осталось: ветчина заморская, грибы уральские, капуста русская, зелень кавказс-

кая. Сели мы с Виталей напротив Солоухина, но обстановка такая, что вроде бы обнялись. Выпили за здоровье, за русскую литературу. Скрепки пали, язык у меня развязался:

- Ева из ваших книг - кто она? Помните, вы писали:

Сыплет небо порошею
На цветы, на зарю,
«Помни только хорошее»,-
Я тебе говорю.

.....
Время мчится непрошено,
Мы уходим скорбя.
Помни только хорошее,
Заклинаю тебя.

.....
Оглянусь на хорошую
На последнем краю -
Светишь в зарослях прошлого,
Словно Ева в раю.

- Да кто, женщина, - нехотя взялся объяснять Солоухин. - Евгения ее звали, а я ее - Евой. Мы с ней в Польшу вместе ездили...

- А что с ней сейчас?

- Ничего, живет себе, когда и позвонит. Она хотела, чтоб я женился на ней, а как семью рушить - у меня две дочки, супруга.

- Неужели от такой большой любви ничего не осталось? - я пришла в ужас.

- Почему же: книги, воспоминания, добрые годы. Разве этого мало? - Солоухин недоумевал.

Я горестно затрясла головой: мне казалось, что мало. Любовь - величина совсем не равная земному времени. Неужели я ошибаюсь? Нет, все не может кончиться банальным самоумерщвлением, человек не властен над таким великим таинством, - теперь уже Виталья наступал мне на ногу, оказывается, свои возражения я бор-

мотала вслух.

Мужчины стоя выпили за женщин и за любовь.

- Понимаете, я близнец по гороскопу, - рассуждал писатель, - а близнецы - это всегда двойственность. Допустим, сижу я дома, день хороший, никого нет, звонит женщина: приезжай. Я собираюсь, не спеша, правда, что-то меня томит. И тут другая звонит: я к тебе еду, мол. Все, меня раздирают противоречия: и к первой охота, и со второй не прочь. Как быть? И так всю жизнь. И не только с женщинами, - хитро завершил рассказчик и слабо мне подмигнул. Виталя от таких откровений и знаков внимания совершенно опьянел и сидел с круглыми глазами.

- А жена ваша где? - поинтересовалась я.

- Старуха-то? Она в городе сидит, сторожит квартиру. Решетки на окна поставила, добра много...

«Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!» Я вонзила вилку в тарелку с соленостями, насмелилась и спросила, сбиваясь:

- Владимир Алексеевич! Все ваши книги вам равны, они хорошие; но вам никогда не хотелось себя превозмочь, из себя выйти, ну вроде как впереди лошади бежать, впереди саней, на которых вы едете!

- Конечно мои книги мне равны, - не понял писатель, - а как же, так всегда и есть, - я покаянно свесила голову и замолчала.

А разговор неожиданно свернул на печальную тему:

- Когда умру, так попросил похоронить меня в Олепино, на родине, - спокойно размышлял писатель.

- Что вы, что вы такое говорите! - испугался и закрестился Виталя.

- Да чего уж там, - хладнокровно заметил Солоухин, - все умрем. Так вот, у нас в Олепино на кладбище сухо, песочек, земляника летом растет. И люди поминать будут. А тут кинут в какую-нибудь яму с водой, и - привет.

А в Оледино я уже и место себе подобрал, - он говорил все тише, видно было, что наша встреча, застолье, разговоры утомили его; глаза закрывались, как у больного цыпленка, он задремывал.

Мы распрощались. «Простите на глупости, не судите на простоте!»

Пошли дни. Канавкин любил рассказывать в редакции как мы «пили с Солоухиным», представлял он в ролях, очень похоже, подстраивался под владимирский говорок писателя, изображал мои якобы жеманные жесты по натягиванию подола юбки на коленки, ноги ставил циркулем; передавал свою бестолковость и имел на людях большой успех. Когда зрители расходились, мы начинали ссориться. «Зачем ты пообещал ему текст? Теперь человек ждет, надеется!» «Я уже написал», - юлил Виталя. «Где? Покажи?» «В голове, у меня все давно сложилось, все готово», - оправдывался Канавкин. Вообще, вранье было естественным состоянием его души.

Текст Виталя так и не написал. Зато меньше чем через год после нашей встречи в Переделкино сотворил некролог.

«Андрей Вознесенский называл его «соло земли». Солоухин любил красоту. За это его ругали.

Солоухин не любил вычурный авангард в искусстве. Считал, что многое в нем от незнания, непрофессионализма, шарлатанства. Один из первых в советский период рассказал о красоте русской иконы. И опять его ругали за то, что верует в Бога. Но несмотря на нападки критиков писал о том, что близко, понятно и красиво для людей, по-настоящему ценящих русскую духовную литературу XIX и начала XX веков. В той литературе - истоки его творчества. Перечитайте «Владимирские проселки», «Каплю росы», «Письма из Русского музея», «Черные доски», «Варшавские этюды», перечитайте изумительное эссе о лилии Виктории-регии. Эти книги

останутся с нами навсегда. Стихи останутся. Сколько в них любви! Любовь - движительница, главная тема его творчества. И его земного одиночества. Оно оборвалось вместе с его нелегкой жизнью.

И прежде чем погаснет свет сознания
В моих глазах,
Успеть бы только мне
С ко мне склоненным ликом мироздания
Хоть миг один побыть наедине.

Дал бы Бог, чтобы успел... Дал бы Бог... Дал бы Бог...»

Виталья шлепнул мне на стол глянцевый номер «Глобуса», открытый на странице с некрологом:

- Ну как?

- Замечательно, - сказала я и чуть не заплакала. - Ты превосходный гробовщик, Канавкин...

Уже после смерти Солоухина мне попалась его книга о евреях «Последняя ступень». Как и все «просветительские», «идейные» вещи, она показалась мне очень наивной. Я читала ее со смешанным чувством вины, жалости и какого-то бабьего, интуитивного понимания. Ну, не для славы же он ее написал? Для спасения души, потому «Последняя ступень»...

Канавкин встал передо мной, как лист перед травой, когда я дочитывала последнюю страницу.

- Дай! - заканючил он.

- Купи, - сухо посоветовала я.

- Олечка, я прошу тебя, не мучай, ты знаешь, как мне это надо! Хочешь, на колени встану!

- Не надо коленопреклонений, полы вторую неделю никто не моет, - желчно заметила я. Мне было жаль отдавать книгу, - неси двадцать два рубля, и дело сделано.

Невероятно, но гобсек Канавкин, вечно сшибающий деньги, начал выгребать мелочь из карманов.

- Ладно, - слегка сжалилась я. - Двадцать. Два

рубля - за амортизацию...

«Глобус» лопнул. Журналисты, как травленные тараканы, расползлись кто куда. Связь с Канавкиным была утрачена.

Я хваталась за любое дело, но толку от моей расторопности не прибавлялось. Требования «новой журналистики» были удивительны: балансирование на грани бульварности и бульварщины, - как сказал мне ответственный секретарь одной не самой желтой газеты. Нигде я не держалась больше двух недель.

Прошлым летом меня занесло во Владимирскую область - делать для радио репортаж с условным названием «Будни деревни Коленово».

Первое, что я увидела на автостанции районного городка Юрьева-Польского - стенд «Их разыскивает милиция». Лица от многократного ксерокопирования казались злобными и голодными. Из текстов под фотографиями следовало, что все преступники - местные.

День был субботним, автостанция забита до отказа сельским людом, но несмотря на порядочное скопление народа, стояла жуткая, будто наполненная тяжелой думой, тишина, такая, какая бывает перед поминками. Подошел автобус в мою сторону. Радостно было двинуться из этого страшного города, с дряхлым собором, где на колокольне вместо креста была прикручена телевизионная антенна; с умирающими улицами, дышащими равнодушием и запустением; с несколькими пристанционными ларьками, вульгарно сияющими разноцветными бутылками.

Автобус, старый ЛИАЗ, рычал на подъемах, поскуливал на спусках. Я вглядывалась в своих попутчиков. Мужиков было мало, и всё какие-то убогие, испытые, тщедушные, с чертами юродивых. Бабы напоминали старух - почти все беззубые, с жесткими, неприступными морщинистыми лицами. Нелепо смотрелись среди

них несколько молодых, грубо раскрашенных дешевой сине-красной косметикой. Одна женщина держала на руках сопливого, неухоженного ребенка, одетого в какое-то старье, вероятно, с третьего или четвертого плеча. Дитя отстраненно глядело в окно и даже не пыталось обратить на себя внимание. Как и на автостанции, здесь стояла угнетенная, большая тишина. Никто не обсуждал покупок, или базарной торговли, или деревенских новостей. Никто не говорил о политике - местной или центральной. Не чувствовалось даже подспудного движения мысли, ее «шепота», словно эти люди и думать уже перестали.

С облегчением рассталась я со странным автобусом. Водитель высадил меня на повороте - несколько километров до места нужно было пройти пешком. Асфальт отливал сталью, и небо было стальным, и далекие горизонты, у которых стояли серые, похожие на больших, обиженных мышей, тучи. Шла вторая половина августа, было нежарко, муторный ветерок клонил травы, срывал несколько тяжелых дождевых капель и утихал, вздыхая. Вздыхала и я. Сначала идти было легко, потом шаг мой замедлился, наконец, я остановилась. По твердой, хорошей дороге никто, кроме меня, не ехал и не шел. Не летели дачники-иномарочники, «Беларуси»-грузики не ползли, не было ребятишек на велосипедах, сельских жителей на Саврасках, никого! Все та же горькая тишина стояла окрест. Будто хозяева навсегда бросили дом. И никогда больше не вернутся. Даже на действующем кладбище есть своя жизнь, свое сообщество покойных, есть вечный покой, но нет вечного одиночества! Оттого ли, что жизнь моя была не устроена и я скиталась «с лейкой и блокнотом» в поисках пропитания, или от жалости к людям из автобуса, или просто от страха перед одинокой дорогой, слезы катились у меня по щекам. Я стояла на обочине у километрового столба и думала: вот они -

владимирско-солоухинские проселки, мне почти столько же лет, сколько было писателю, когда он творил свою первую восторженную книгу, а в груди у меня нет ни радости, ни красоты, ни восхищения, ни романтики, словно часть души выжгли кислотой. Так где же мне жить и что же мне любить?! Как жить и зачем жить? Да и стоит ли жить вообще?

...А перед моими глазами ходило серебряными волнами хлебное поле, далеко, до жестокого, стального горизонта, все волновалось оно и вздыхало; и таким оно было огромным, бескрайним, спокойным, что все мои беды показались суетой и тленом, дурью, истерикой...
Надо жить...

август 1998

Ваш сын и брат матрос Колька

Никто до сих пор не верит, что его нет. Ни мать с отцом, ни невеста, ни друзья, ни учителя - никто. Плачут, а не верят. Потому что не видели его мертвым, потому что нет могилы, и неясно, когда справлять девять и сорок дней (от чего считать?), да и надо ли их справлять?! А вдруг, вдруг он жив? Мама его невесты, Ольга Васильевна, говорила мне, почти причитала: «Может быть, их спасли, а нам не показывают? Там же все секретно на «Курске». А вот всё уляжется, утрясется, их подлечат, и он - вернется...» И - снова в слезы.

Сколько их выплакано, этих слез, по всей стране за последнее время - море. Солонее и горше Баренцева. Неужели никогда матрос-дублер из третьего отсека атомной подлодки «Курск» Николай Павлов не пройдет по родной улице, никогда не обнимет мать, не сядет на лавочку рядом с отцом, не пожмет руку старшему брату, не пожалеет сестренку Танюшку, не поцелует невесту?! Разве можно в это поверить тем, кто помнит его живым? Его, такого ловкого, сильного, красивого парня?!

Вот родина русского флота - Воронеж. Нет, в водах здешнего водохранилища нечего делать подлодкам. И дальше, на юг области, степи и степи, перемежающиеся лесополосами, поля подсолнечника, поднятой зяби,

красная стерня скошенной гречихи, редкие, маловодные речушки... А уж село Лесково Калачеевского района и вовсе кажется далеким-далеким от океанских волн. На въезде - кладбище. Кресты мелькают среди деревьев. Центральная улица с разбитым асфальтом - по обочинам гуляют куры, внимательно всматриваясь в пыль. Церковь с порушенной колокольней. Мужики у магазина на велосипедах. «Вы не знаете, где живут Павловы, у которых сын на «Курске»?»

Павловы живут в трех комнатах бывшего детского сада - у них нет своего дома. В марте 92-го они уехали из Талды-Курганской области Казахстана. Уехали, успев перевезти вещи, мебель. А те, кто двинулся вслед за ними всего лишь полгода спустя, смогли забрать только чемоданы. Хотя в Андреевке, райцентре, откуда переселились Павловы, прочно жили еще их деды и прадеды. А в Лесково теперь много «новых русских казахов» - не меньше десяти семей.

И вот щеколда калитки, вот этот двор, где на кольях сохнут стеклянные банки, два поросенка в закуте, крохотная собачонка на цепи близ конуры, вот эти ступени, вот скорбные родственники, молчаливые, вот мать, маленькая, несчастная, в черном платке... У него совсем простая мама, Лидия Васильевна, работающая, добрая, в Андреевке она была техничкой в школе, здесь, в Лесково, устроилась на свиноферму. И сын ей писал с флота: «Мам, ты пишешь, что рук нет от работы. Мамуничка родная, я ради Бога, я тебя прошу, брось этот гребаный свинарник, иначе ты себя в конец угробишь. Пап, запрети ты ей такую работу. Не пускай. Хрен с ним, с этим кормом. Здоровье дороже. Я лучше буду голодовать всю жизнь и жить в нищете. Поняла, мам, и со мной согласятся папка и Танюша. Да? Лучше ты дома сиди, если нет другой работы. Береги себя, мам! Приду в отпуск, если ты еще будешь работать там, я на тебя, мам, обижусь! А еще потом отругаю и буду прав. Эта ферма - мед-

ленная смерть. Пойми ты это, мамунь». Господи, какое счастье - иметь такого сына, и какое неизбывное, неизживное горе - его потерять!

И в большой комнате, в зале, везде его фотографии - серьезного и улыбчивого, в красивой морской форме. А самая маленькая, крохотная комнатка, ну, может быть, два с половиной на два с половиной метра - его. Здесь только аккуратно заправленная кровать, ковер на стене, почетные грамоты из педучилища, свидетельства о спортивных разрядах, небольшая, почти игрушечная полка на стене. На ней - фотография невесты, «Новый завет и Псалтырь» в синей обложке (Колина книга), пирамидка Рубика, земля из Видяево в носовом платке да памятный знак о «Курске». Землю и знак привез из Видяево отец.

«Ваш сын и брат матрос Колька» - так называл он себя в письмах домой. Полно ведь сейчас ребят, которые «косят» от армии, которых откупают, делают им липовые справки о неизлечимых болезнях, а он имел полное право остаться дома - на руке у него не работали два пальца - когда-то повредил сухожилия стеклом. «Но что это за мужик, который не служил в армии?» - внушал он Лене, невесте. И недостаток свой скрыл. «Никогда не забуду, как провожала его в армию, на автостанции, - плачет Лена. - Рубашка на нем была теплая, куртка. Он в автобус сел, и так посмотрел на меня... Как будто уже все знал. А цветы он мне подарить на прощание не успел. Денег оставил и наказал: купи обязательно розы. И вот один цветок, засушенный, с того букета у меня и остался... Ведь мы встречались, если считать до сегодняшнего дня, три года, всё уже было решено, обговорено, осталось только кольца купить и печати в паспорта поставить...» И она плачет. Лена живет в Калаче, в самом центре. Свадебные кортежи по выходным идут по соседней от нее улице...

Его забрали в армию 19 ноября прошлого года, и вскоре родители облегченно вздохнули - слава богу, не

Чечня. Подводник. Не первый, кстати, в Лесково. Учебка в Северодвинске, а потом он мечтал попасть на Тихоокеанский флот - на Камчатке служили двоюродные братья. Очень крепкий физически, спортивный, вдруг заболел желтухой. Сорок пять дней в госпитале - от родных скрывал. После уже написал. Его могли комиссовать, но почему-то оставили. А служить направили на Северный флот, на родную подлодку - «Воронеж». Он писал домой: «Вчера прислал кореш мой письмо, говорит, что в конце июня уходит в автономку на 90 суток, стрельбы будут проводить. Вот, в середине июня меня увезут на свою лодку, может, и я схожу, она тоже ходовая. Познаю романтику моря и океана». А из Видяево, из в/ч 87099 заместитель командира по воспитательной работе капитан 2 ранга Сергей Махортов сообщал родителям: «У вашего сына, Николая Павлова, прекрасные отношения в коллективе. Он корректен, доброжелателен, исполнительен. Старательно и своевременно сдает все зачеты». И добавлял: «Поводов для волнений у вас быть не должно...»

Да и сам «матрос Колька» успокаивал родных: «Теперь расскажу о себе. У меня все нормально. Вот, пап, я же в технике дуб, а здесь нужно знать ой-ой-ой-ой сколько! Короче, приду домой, в технике буду разбираться не хуже тебя, научать.

Мам, вы там варенья оставьте для меня. В отпуск, может, приду, витамин поест, здесь их большая нехватка, а так кормят хорошо, когда в море уходим, тогда вообще как дома, правда, все как в космосе, дают в пакетиках. Даже в день дают 100 гр. красного вина. Но вы не подумайте, что я алкашом приду, это так нужно». Письмо совсем недавнее - от 21 июля. Он часто писал родителям, очень часто - невесте, отдельно - брату. И он был разным в своих письмах - с родителями заботлив, с невестой - ласков, а с братом - по-мужски прям. И эта его разность так трогательна, объяснима! На калачеевском рынке, в

центре города, я услышу разговор двух пожилых женщин: «Каких мужичаг потопили! Каких мужичаг! Стоят в строю - один к одному! Рази они их растили?!»

Он был действительно «мужичагой» этот двадцатилетний парень, просивший оставить для него варенья. Пройдите по Лесково - никто слова о нем плохого не скажет. Мальчишкой каждую свободную минуту бежал на ферму, ведра таскал, помогал матери, «мамуничке». Нянчился с сестрой. Учился не на отлично, но старательно, по способностям. Еще в Казахстане увлекался спортом, лыжами. А здесь, в Лескове, еще и волейболом, гимнастикой, легкой атлетикой. Надежда Ильинична Вербицкая, учительница математики, тоже переселенка из Казахстана, рассказывает: «Мы с ним были родственные души. Я ведь кандидат в мастера спорта по лыжным гонкам. Всегда его выделяла из остальных ребят. Потому что он очень спокойный, уважительный, добрый. Никогда не врал. Прибежит перед уроком: «Надежда Ильинична, я не успел задачу решить, работы было много». Здесь ведь, в селе, все на виду - кто действительно родителям помогает, а кто бегает с утра до вечера. И с бедой, и с радостью шел ко мне. После девятилетки решил поступать в Павловское педучилище на отделение физвоспитания. Учился, в Воронеж часто на соревнования ездил. А потом как боялся госэкзамены сдавать! Пришел ко мне с дипломом - счастливый! И мяч волейбольный мне подарил - это, говорит, Надежда Ильинична, лично вам, на память! Ну вот скажите, много у нас таких ребят?! Так за что? Такой чис-

тый, светлый, добрый мальчик принял такую мучительную смерть? Ну за что?!»

В августе в Воронежской области народ с утра до вечера на огородах - копает картошку. И у телевизора сидеть недосуг. Но Павловы с тревогой наблюдали за трагедией «Курска» - эта лодка той же части, что и «Воронеж». 15 августа они получили письмо от «матроса Кольки»: «Мама, за меня не беспокойся. У меня все нормально. Главное, берегите себя и Танюшку». И еще он сообщил, что через месяц придет в отпуск. А на следующий день они узнали, что их сын и брат не на «Воронеже», а на «Курске»...

И вот я вижу его живым, совершенно живым, улыбающимся с экрана телевизора, - у Лены, невесты, есть несколько видеокассет, где он еще не матрос Колька, а Павлов-студент, Павлов - старший физрук пионерлагеря «Солнышко», Павлов - влюбленный. Они познакомились и подружились в педучилище: «Он мне потом признался, что присматривался ко мне почти полгода, а я его сразу отметила, выделила среди ребят». И вот студенческая вечеринка, вот он предупреждает: «Кино до 16-ти!» и, закрываясь от камеры ладонью, целует Лену. А вот он в спортзале, выполняет гимнастические упражнения на кольцах, на брусьях. А вот они в центре Павловска, и Коля берет камеру в свои руки. Он снимает аллею героев, на мраморе выбиты имена погибших в Великую Отечественную. «Зачем ты это делаешь?» - шумят приятели. «Я снимаю себя», - и в кадре инициалы и фамилия полного его тезки «Н.В.Павлов».

«Да, Алён, знаешь, здесь столько чаек! Как у нас воробьев. Ночью, заразы, орут, спать не дают.

Знай, что мы обязательно будем вместе, надо только переждать время».

Они не только вместе учились, но и вместе работали - в 1998-м - первую и вторую лагерные смены в «Солнышке», а в прошлом году - третью. Он помогал Лене

справиться с малышами - она работала вожатой. И вот съемки ровно годовой давности - 15 августа 1999-го, закрытие лагерной смены, прощальная дискотека. Танцуют дети, танцуют вожатые. Медленный вальс. И Коля, бережно ведя свою невесту, подмигивает в камеру - «все будет хорошо!». А с флота он ей напишет: «Раскинула нас, Алён, с тобой судьба, но нам это не страшно, ведь мы друг друга любим сильно-сильно, и нам не страшна любая даль, которая между нами...» И еще: «Береги себя, а то ты у меня дряхленький киндереночек!»

Но как тяжело теперь смотреть в глаза матери, как трудно разговаривать с отцом, Владимиром Степановичем. В крепкой его фигуре, больших руках, трудовых, теперь безвольно сложенных, столько надломленности, горького бессилия! Его, шофера, сын, морской механик, теперь уже ничему не научит! И тяжело спрашивать:

- Почему Коля оказался на «Курске», ведь его лодка «Воронеж»?

- Не хватало экипажа, вот наших ребят и взяли. С «Воронежа» четверо...

- Вы были на встрече с Путиным?

- Нет, я все это время просидел на телеграфе, звонил домой.

- Будут ли их поднимать?

- Вряд ли. Офицеры говорят, что лодка заправлена на автономное плавание, и трогать её страшно...

Уходя на «Курск», Коля забыл часы. Отец их привез домой. А другие личные вещи не взял. Я не стала спрашивать почему: из протеста, из надежды, или из-за того, что не было сил взять их в руки. Всего лишь одна жизнь, один матрос, двадцатилетний парень, а сколько жизни и радости с ним ушло!

И вот я думаю: все газеты, телевидение, все кричали - ИЗ-ЗА ЧЕГО ПОГИБЛА АТОМНАЯ ЛОДКА «КУРСК»? Но есть и другой вопрос: а из-за чего погиб наш сын и брат матрос Колька?! Ну из-за чего? Разве

можно забыть эту теленеделю, эту лживую телекомпанию, лживую от первого до последнего слова, от первого до последнего жеста! Я помню трехчасовой выпуск новостей 21 августа. Дикторша закончила его словами: «Как сообщил командующий флотом Норвегии, в живых на подлодке «Курск» никого не осталось. До свиданья». Секундная «голубиная» заставка на ОРТ, и тут же телевизор взвыл: «Пора-, пора-, порадуемся на своем веку!» А еще говорят, что с родственниками работали психологи! Со всей страной работают психологи, и не первый год.

И что ответить на вопрос, который задает самой себе Колина учительница Надежда Ильинична: «А может быть, и не нужно наших сыновей растить добрыми, думающими, хорошо воспитанными? Дураку да алкоголику нынче и уцелеть легче, и жить веселей».

...А я спрашивала всех: о чем мечтал Коля? Ну, может быть, о деньгах, о машине, о больших заработках? Нет, ничего подобного. Он мечтал жениться, и чтоб у него была хорошая семья, и двое детей - мальчик и девочка.

А никакого будущего у его мечты не было...

*Лесково - Калач,
август 2000*

P.S. Матрос-дублер третьего отсека АТП «Курск» Николай Павлов, призванный на службу в ВМФ из села Лесково Калачеевского района Воронежской области был похоронен на Центральном кладбище Воронежа, на аллее Славы, 2 ноября 2001 года.

Соловьиное счастье

Песня - птица. Песня - душа. Русская песня - павлово-посадская шаль с кистями - теплая, уютная. Шаль узорчатая, цветами улыбающаяся. И на плечах у народной артистки России Александры Стрельченко - шаль. Песню спеть - жизнь прожить. Умереть и воскреснуть в ином, неземном бытии... «Оркестр начинает играть, а у меня душа рвется - как бы не хуже спеть - испортить нельзя!»

Да, да, звучит музыка! «Раскинулось море широко» - первые музыкальные фразы бескрайней морской шири, красивей прощания на берегу, счастливей долгожданной встречи. Испортить нельзя! Мир нельзя испортить своим присутствием - в нем столько гармонии! Пусть неизбежна смерть, но «волны бегут от винта за кормой, и след их вдали пропадает», - кажется, что вечно будет играть оркестр, стройный, без единой фальшивой ноты. Преступно портить такую мелодию блажными интонациями, нельзя, рассказывая о другой жизни, портить ее пошлостью. И тогда лучшие песни сами выберут своих соловьих, а лучшие стихи - своих поэтов.

Соловьях в тишине большой и душевной...

Вдруг ударил золотистый вдалеке,
видно, злой и молодой, и непослушный,
он запел на соловьином языке:

- По лесам,
на пустырях
и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка -
принесу тебе яичек муравьиных,
нациплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в розанах стоят,
мы помчимся над грозой, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залетная, ни разу не цвела,
вылетай же, молодая, поскорее
Из-под старого и жесткого крыла...¹

Надо бы о песне говорить, а мы с Александрой Ильиничной говорим о любви. Но разве любовь - не песня? И разве не любовью жива русская песня?

- Вы знаете, эту тему я обычно опускаю. Не обсуждаю с журналистами. У меня был муж, которого я очень любила. Он занимал высокое положение - генерал-майор КГБ. Погиб трагически. Сейчас все, конечно, сгладилось, ушло...

Неужели и вправду все уходит?! Чувства уходят. Жизнь проходит, где спотыкаясь, где вприпрыжку, а где совсем летит, и каждый, даже самый счастливый год оставляет на лице морщинку... Но вот я слушаю последний альбом певицы. Называется он «На окошке два цветочка». А если песню дальше длить? «На окошке два цветочка, Голубой да синенький, Никто любви моей не знает, Только я да миленький!» Значит, ничего не проходит, не сглаживается?! Все самое красивое обязательно остается, вплетается в песню, как золотая лента в косу. Сорок лет Александра Ильинична на сцене. «Жизнь прошла,

¹ Здесь и далее отрывки из стихотворения
Бориса Корнилова «Соловьях».

и, кроме песни, у меня нет других достижений. И теперь я не тоскую, потому что я отдала свою жизнь песне с радостью, с легкостью и без секунды сожаления...»

А какую надо жизнь иметь, чтобы тяжелую песню поднять?! Таковую, например, как «По муромской дорожке»? Голос у Александры Стрельченко сильный, тембр - страдающий. Жестковатый тембр, а характер - открытый. А жизнь - не баловала.

- Родилась я на Украине, в южной части Днепропетровской области, на хуторе. Предки мои - казаки, землепашцы, труженики. А родителей рано потеряла - отец погиб на фронте, мама умерла. Мне всего восемь лет было... Еще у меня бабушка была, мой ангел-хранитель. Мой дед погиб в первую мировую, а бабушку в советское время сослали на Соловки, раскулачили. Казаки, землепашцы, какие красивые люди были! А танцевали они как, а пели! Все ведь это истреблено и в жизни нашей, и почти в памяти. Бабушка заработала на Соловках чахотку, приехала домой умирать. Любила она меня очень. Слабо я ее помню, а сестра мне рассказывает: умерла бабушка во сне со мной в обнимку. И потом, у нее, у холодной уже, не могли меня, ребенка, вырвать. Вот ее судьба! А за что ее раскулачили?! И мама, бедная, с тремя детьми одна осталась, билась-билась, в 29 лет умерла. Большое ли счастье?!

Два детдома было в жизни Александры Ильиничны, а семейного уюта родного хутора - не было. Но та же жестокая сила, что распыляла народ по Соловкам и бросала в войны и бескормицу, не дала ей пропасть, спасла и поддержала. А может, и не в этой силе дело, и худенькую девочку в бедном платице спасло родительское наследство - голос? Соловьи оперением не богаты... С детства она пела народные песни, казачьи; сердце замирало, когда слушала по радио Русланову.

- Закончила я десять классов и начала работать в детсаду нянечкой. Поступила заочно в институт имени

Герцена в Ленинграде, на факультет дошкольной педагогики. Приехала на сессию, а в городе на гастролях Воронежский хор. Ах, что это был за хор! Воронежские песни протяжные, мелодичные, широта дыхания бескрайняя. Бывало, запекает солистка Евдокия Осипова, или Мария Осипова - ее сестра, или Юля Золотарева - дух захватывает, так красиво, степь и степь перед тобой, даль и даль, небо и небо - знаете ли вы, какое небо в тех местах?! А хор красочный, костюмы изумительные, пение непрерывное, одни берут дыхание, другие тянут; да я зачарована ими была! После концерта попросила, чтобы меня прослушали. «Ну приезжай», - говорят. И ведь по простоте душевной поехала!

Жизнь человеческая - река. У одних - Волга, у других - ручей безымянный. Случайно ли каждый из нас русло выбирает? В Воронежском хоре недолго Стрельченко пела - полтора года, а наука - на всю жизнь. Народная песня - навсегда. Первая любовь - не единственная, да самая памятная. Из хора уволили за профнепригодность - голос пропал. «Я молодая, неопытная, перегрузки большие были. Поехали мы на фестиваль в Вену. Пели везде - на улицах, площадях, в залах. Посадила голос. Переживала страшно, плакала. Пошла работать опять в детсад, а жить негде - из общежития уже просят...» А голос воскрес. Сильный, щедрый, молодой. Иногда и для певиц помолчать бывает полезно. «Эстрадные волки» сманили Стрельченко в Липецк. От местной филармонии пошла ее эстрадная карьера.

- Но я всегда стремилась в Москву. В столице - мастера, есть у кого учиться. Не житейские расчеты меня звали в город, а песня, призвание меня вели. Иногда даже помимо воли своей, помимо рассудка. И так всю жизнь было... В Москве в то время открывалась Всероссийская творческая мастерская эстрадного искусства. Меня прослушали, взяли. Сделали программу «В жизни раз бывает восемнадцать лет» - я маленькая, худенькая, в

красном платье, вокруг - двенадцать баянистов. Красиво получалось... Меня услышали - пела я и у Лидии Андреевны Руслановой дома; прослезилась она, благословила. Но сказала: ищи свои песни. Тогда ведь я ей во всем подражала, не было у меня своего репертуара.

Редкий, очень редкий человек, входящий в искусство, избегает подражания. Подражание юных великим - не от слабости собственной, от очарования. Подражание зрелых великим - от трусости. Перед жизнью, искусством, неизвестностью, смертью. Как будешь жить - так будешь и петь, какой бы стороной судьба к тебе ни повернулась - парадной или траурной.

- Мы познакомились с Владимиром Яковлевичем на банкете, в Кремле, в 65-м году, а в 67-м он уже погиб. Два года я была за ним замужем, и в личной жизни не нашла больше замены, не нашла любви. Он меня очень любил, очень.

- А вы его?

- И я его любила. Благодарно, весело, отчаянно.

- Красивый?

- Очень!

- У вас ведь сохранились его фотографии...

- Ой нет, не будем смотреть, я ведь рядом, а я была такая вульгарная в молодости, челку носила, губы сильно красила...

Все же мы рассматриваем вместе эти старые снимки. Седой соловей, но не старый. Красивый - в генеральской форме, счастливый - в свадебном костюме...

...соловьи сидели молча по ранжиру,
так что справа самый старый соловей.

Перед ним вода - зеленая, живая,
мимо заводей несется напролом, -
он качается на ветке, прикрывая
соловьишу годовалую крылом.

- Я ведь молодая была, ничего не понимала, что браки такие не приветствуются в их структурах, а он влю-

бился - и пошел на все. Нет, я его ни у кого не отбивала - он был человек вдовый и детей своих не оставил - я пришла к нему в семью. И все же... Конечно, мне было приятно - все для меня, на концерт на «Чайке», на «ЗИЛе», пожалуйста. Но это не было главным! Я свой чемодан с концертными костюмами таскала и таскала за собой. Казалось бы, вышла замуж за генерала, красивого, с положением, вышла сирота-бесприданница, ну брось все и сиди в Москве! Но песня все-таки выше этого была! Мне все говорили: «Шура, у тебя такой красивый муж, что ты так плохо одета?!» А я всегда просто одевалась, и для меня это не имело никакого значения.

- А красивый муж что говорил?

- Да он меня любил такую, какая я была, и зачем ему какие-то платья! Я есть - «Сашенька» - и все! Как я оделась, так и хорошо. Это не имело значения. Есть другие ценности. Для меня сцена всегда была главным. Он очень понимал меня и никогда не запрещал выступать - я бы без этого погибла! И потом, когда его не стало, я осталась с теми же песнями и с тем же чемоданом с костюмами...

«Ямщик запел, и песня льется, Ямщик забыл печаль с тоской... Чего же спутник не смеется, чего ж тихонько плачет он?!» Эх, видно того не расскажешь, что спеть нужно...

* * *

Пик популярности Стрельченко пришелся на годы застоя. Благополучное время?! Рабочее. «Я помню себя страшно усталой, жутко усталой - эмоционально, физически. Много ездили. У меня инструментальный ансамбль, людей надо было кормить, а ставки мизерные, и чтобы что-то заработать, приходилось брать количеством. Я так уставала, что мне не хотелось даже улыбаться. Все время в работе - планы были расписаны на два года вперед. Я не помню, чтобы я болела, да это было и невозможно...»

Талант - Божий дар - и сохранить его легко: люди добрые помогут. Только жить надо так, чтобы на пути

твоим они встречались.

- Мне повезло, я общалась с людьми высокой культуры, знающими народное искусство. Мы гастролировали на юге, и там меня услышал Иван Семенович Козловский. Он привел меня на радио. Оркестром радио тогда дирижировал Владимир Иванович Федосеев, а его жена, Ольга Дмитриевна Доброхотова руководила редакцией народной музыки. Представляете, какие у меня были учителя?! Требования - высочайшие! Отец Ольги Ивановны, певец Иван Михайлович Скобцов, замечательно пел народную песню в традициях классики. Как он её чувствовал! Я стремилась всегда к высокому искусству - у меня был идеал! Эстрада - разбалтывает. Ежедневные выступления в разных условиях, иногда очень плохих. В погоне за деньгами все можно растерять! А я захожу в Большой зал консерватории и слушаю таких мастеров, как Александр Ведерников, Ирина Архипова, Елена Образцова... Я выступала в одном концерте с Сергеем Яковлевичем Лемешевым. Было у кого учиться! Всегда ведь считалось - народная песня - нечто более низкое, ряженое... А я смотрела, как певцы поют классику, как держатся на сцене, как одеваются. Дружила с редакцией народной музыки на радио, а запись требовала точности, вкуса. Уже будучи заслуженной артисткой России, я пошла учиться в институт имени Гнесиных. Меня Ольга Ивановна Доброхотова повела. Много дала учеба, не меньше - певицы, что жили до меня...

В памяти - сила. Потому что память и есть самое драгоценное знание, придающее смысл человеческому существованию и укрепляющее веру. Александра Ильинична возродила репертуар Ольги Васильевны Ковалевой. «Она лирическая певица, не такая броская, как Русланова, я многому у нее научилась. Я-то все громко пела, а когда услышала Ковалеву, была потрясена - лиризм, мудрость, скромность, но в этом такая правда!» А если идти дорогой правды, обязатель-

но придешь к истинному искусству вне зависимости от препятствий, которые воздвигает время. «С творчеством Надежды Васильевны Плевацкой я встрети-лась, когда училась в институте. Педагог, Елена Константиновна Гедеванова, дала мне старую пластинку: «Шура, вот возьми, посмотри». Это были курские свадебные песни в исполнении Плевацкой. Сложное пение, витиеватое, с ходу не взять. Года три я слушала, удивлялась, примеривалась, что-то потихоньку разучивала. После ходила на радио, показывала, уговаривала, чтобы песни переписали, потому что качество старых записей, конечно, было низким... Вы мне можете не верить, но тем, что я возродила имена ушедших певиц, я иногда горжусь даже больше, чем собственным творчеством. Пусть они живут хотя бы в моих устах. Пою я на концерте что-нибудь из Ковалевой, обязательно о ней расскажу - молодые ведь ее вообще не знают. Пою я Плевацкую - добрым словом помяну, нельзя ведь по-другому жить!»

Песня - судьба народа. Покуда длится она, русские живы - малым ручьем ли, безбрежным ли морем. Одни отпели - другие подхватили, добавили свой голос и дальше передали. Но как в многоголосье свои слова найти, единственные, свою песню, неповторимую?

- Я всегда старалась песни слушать с голоса, искала старые записи на радио, пластинки. Песни - моё единственное богатство. Всю жизнь я их собирала - что мне по голосу подходит, по облику, по характеру, по душе. Если меня вещь волнует - я плачу. И я знаю - это моё. Я смогу донести такую песню людям. И они будут плакать...

А я слушаю наши песни - удивляюсь. Трагедию, смерть - мы без уныния встречаем, с отвагой, а счастье, свадьбу - с робостью, с печалью.

Ох, как же мне от волюшки отвыкать, отвыкать,

Ох, как же мне к неволюшке привыкать, привыкать?..

.....

Назовешь любовь-свекора - батюшка, батюшка,
А любую свекровушку - матушка, матушка,
Своего друга - моя милая лапушка, лапушка...

Спрашиваю у Александры Ильиничны, не очень, конечно, имея на это право, спрашиваю:

- Неужели вам больше не пришлось назвать кого-то лапушкой в жизни, а не в песне?

- ...Я выходила потом еще раз замуж, второй мой супруг - музыкант. Но это был брак скорее деловой. Муж помогал мне с гастролями, с бытом, занимался ансамблем - одной мне, конечно, было все не поднять. Но духовного понимания и того, что связывает людей навсегда, у нас не было. Потому что я даже детей от него не родила. Я не хотела.

Второй муж был моложе меня. Звали его, кстати, тоже Володей. Когда мы расстались - а прожили вместе мы порядочно, соединяло нас многое: работа, творчество, так вот, когда расстались, все поделили, и он пошел - как ни в чем не бывало, как чужой человек... Я думаю: странно - был столько лет рядом и пошел как чужой... Странно...

Он был, конечно, человек незаурядный, неординарного ума... Хотя - босьяк. У него отношение к жизни легкое, феерическое, что меня к нему и потянуло. Когда мы встретились, я ведь не жила - доживала. Смотрела на жизнь как на пропащую, и думала, что и сама вслед за любимым вскоре уйду. И вдруг я встречаю Володю в Одессе, на гастролях. Гуляет он на пляже, вокруг него всегда компании, вино, карты, смех, веселье. Сам он в лаковых ботинках, живет с шиком Остапа Бендера - кровей в нем намешано тьма, и за что ни возьмется, все у него получается. В любой ресторан мог пройти. Очередь в три вилюшки, он - мимо. Уверенной походкой к швейцару. «Так, старик, там заказано», - и руку к стеклу, а на ладони - деньги. Швейцар: «Да-да, заказано». Мне стыдно, я вообще хамства не терплю, а чтобы кого-то обмануть, пролезть

куда-нибудь - нет во мне этих качеств. А ему - хоть бы хны, все делал легко, быстро. Когда мы жили вместе, он брал на себя всё - хлопоты по дому, быт, продукты, магазины... Я занималась только пением. Но легкость характера в конце концов проявилась и ко мне... Мы расстались.

- Ну а талант он ценил?

- Он всегда меня ставил в пример всем. И считает, что лучше меня нет.

- До сих пор?

- До сих пор.

- Но вы же изучаете свой предмет, невольно сравниваете исполнителей... Вот, допустим, ансамбль «Золотое кольцо» сейчас очень популярен.

- Понимаете, я не могу кого-то осуждать или хаять, выставлять какие-то оценки. Вот наше поколение - Воронеж, Зыкина и я. Потом идут Людмила Рюмина, Татьяна Петрова, дальше - совсем молодые. Но такого серьезного отношения к песне, как у нас, у последующих поколений я не вижу. Много певиц, но все думают о том, как пробиться, как денег достать. Но это не должно быть главным. Выскочить можно. А вот удержаться, сохранив голос, душу, да еще обогатить все репертуаром, вкусом, уважительным отношением к тому, что было до тебя, и нести все это дальше, не потеряв порядочность, - вот что тяжело! К Наде Кадышевой, солистке «Золотого кольца», я всегда хорошо относилась. У нее красивый тембр, трогательный, грудной. Он меня поражал, волновал, еще когда она пела в ансамбле «Россияночка». Но ведь «Золотое кольцо» не поет живьем! Взяли компьютер и всё - в одну дуду! Есть реклама, есть популярность, но сколько песен перепорчено! Они выходят на сцену, открывают рот и крутятся. Попробуй петь и танцевать! Если ты певица, у тебя другая задача. Надо что-то одно хорошо делать. Многие поют под фонограмму. Мне их жалко. Они обездоленные, они не в форме. Надо петь вживую, и это продлевает

ЖИЗНЬ...

...И молчит она,
всё в мире забывая, -
я за песней, как за гибелью, слежу...

Разве не гибельно петь всегда вживую, то есть всегда переживая, проживая песню, будь то «Окрасился месяц багрянцем», «Девичья воля» или «Ну, быстрее летите кони»? Настоящее, живое искусство - всегда смертельный номер, всегда дорога через бездну... Александра Ильинична возражает моим сомнениям:

- Конечно, петь вживую - тяжело. Но зато ты имеешь право называться певицей...

- А когда вы почувствовали себя певицей?

- Не так давно (*смеется*). Я почувствовала себя певицей, когда получила соответствующую школу. Пришла я в институт учиться, педагог не знает, как со мной обращаться - голос-то народный. «Шура, открой рот, ты поешь с закрытым ртом». Я не знаю, как мне его открыть, а она не может мне показать.

Концертмейстер терпел-терпел мои мучения и не вытерпел. Однажды он мне говорит: «Александра Ильинична, хотите, я с вами позанимаюсь? Потому что то, чем поют, у вас еще не затронуто». Леонида Леонидовича Базилевича я всегда добром вспоминаю. Он был абсолютным бессребреником, четыре года занимался со мной лишь из любви к искусству. Как педагог он - талант, клад! Внешне - очень несценичный, неброский, всегда в своих мыслях. Когда он мне вышел аккомпанировать - я сдавала программу - люди мне потом говорили: «Шура, мы думали сначала, что он вышел двигать рояль...» Ну, если человеку не дано, что сделаешь! Зато когда он начинал заниматься со мной вокалом, я готова была стать перед ним на колени. А как пианист... Он сам рассказывал: когда закончил консерваторию, надо было диплом защищать. «Вышел к роялю, стал играть. Нормально всё. А когда закончил, очнулся - вижу на четвереньках у ин-

струмента стою. Сполз со стула, а когда - не помню»...

- А у вас такие случаи были?

- Нет, на сцене не было. Правда, когда-то я играла в детдоме роль партизанки. Немцы в дверь заходят, а я вместо того чтобы в окно выскочить, как задумано в пьесе, на них пошла... А в песне нет, не было... Что значит быть певицей? Сейчас я знаю: в любом месте выйду, спою и у меня получится. Люди затихнут, лица у них переродятся. Но это не я на них воздействую. Это - песня, голос, душа - всё вместе. Вот я приезжаю за границу, популярность там ничего не значит, внешность у меня не выдающаяся - я маленькая, незаметная, никто меня там не знает, но стоит выйти, спеть, и люди, что прежде рядом с тобой сидели, не замечая, идут к тебе, начинают обнимать, целовать, благодарить! Это невольно происходит. Красота притягивает, красота внутренняя. Вот что значит быть певицей и вот какое мне Бог счастье дал!..

* * *

«У меня к тебе дела такого рода, что уйдет на разговоры вечер весь», - вечер длится, выкрашивает темной окна; а всю жизнь, конечно, и за пять вечеров не расскажешь. Моя собеседница размышляет:

- Много пришлось передумать, пережить, и теперь я стала более свободной. Я поняла в последнее время, что надо быть просто человеком нормальным во всех своих проявлениях. Тогда ты будешь и людям интересен. Талантливые люди на сцене - в жизни простые. Чем талантливей, тем проще. И выше. Духовно выше.

- Но некоторые «звезды», в том числе и «народные», светят ослепительно ярко, вызывая ярко. Надежда Бабкина, Людмила Зыкина...

- У Надежды Бабиной есть своя публика, она пробивная, её любят. Но я не могу сказать, что мне всё нравится, что она делает. Если она берет народную песню,

то всё «бодряк» какой-то. И разболтанность появляется. Я другие грани стараюсь показать в песне - опрятность, женственность.

А Зыкина - всегда была королевой. Она при всех правительствах - правительственная певица. Но Людмила Георгиевна многим и помогала, будучи при власти. В советские времена, в какой бы город она ни приезжала, её встречали только секретари ЦК. Всегда. Если этой свиты не было, это ж удивительно - как это так? Она прошла прекрасную школу - пела в хоре радио, в хоре Пятницкого; она думающая певица. Мне нравится её слушать. И она ухо остро держит - кто в какой форме. Зыкина никогда о ком-то плохо не скажет, наоборот, по телевидению говорит: да, мы с Ольгой Воронец, и Шура Стрельченко хорошо поет... Но в глаза она тебя никогда не похвалит. Ну, глыба. Она сидит, и вроде тебя для неё не существует. «Здрассь», - сухо, величаво. А я подхожу к ней искренне, если понравилась песня. Она выходит на сцену, и - освещает. Если у человека талант, то он выходит и освещает собою пространство, обликом своим несет свет. Я на неё всегда с удовольствием смотрю, и меня ничего не смущает, потому что она стала как скала, и жест у неё естественный, и осанка её - ей это идет! Я её принимаю, и не могу этого скрыть. Зачем мне говорить: вот, зло берет, как Зыкина хорошо поёт! Я радуюсь, что она вышла и сцену собой осветила. И я иду к ней и не могу скрыть своей радости, улыбаюсь. И тут «здрассь» - величавый кивок. Ну, ладно... Но я своё всё равно сказала, душа моя сказала. Талант независлив... Я вижу красоту - душа моя ликует. И я думаю: и я должна подтянуться. Талант заставляет человека быть лучше себя самого. Знаете, приезжают бабушки из деревни и от них такое добро идет, такая правда! Они и поют неграмотно, и «несценичные», старенькие, но такая красота, такой характер! А дети?! «Саратовские гармоники», или ансамбль «Жалейка» из города Пикалево Ленинградской области - смотришь, и слёз не удержишь! Это же счастье,

любить всё талантливое, волнующее!..

Я осталась такой же, как и прежде. Провела в прошлом году концерт памяти Плевацкой в Колонном зале. Телевизионщики сняли, но не показали - у меня не было денег заплатить за показ. Ведь нужно было заплатить и за зал, и оркестру, и за съемку, за монтаж... Я отдала все деньги, какие у меня были, и еще осталась должна. У меня нет денег. Если нет концертов, откуда деньги?! Я ведь этим только зарабатываю. Потом, я же не могу идти и говорить всем, что у меня нет денег! Все же думают наоборот! А ведь мне нужно концерт свой провести, компакт-диск выпустить. Программа большая, есть что петь!

Да, да, в сутолоке буден, суеты вдруг обернешься, трезво посмотришь вокруг, ужаснешься: что же у нас за жизнь такая сейчас?! Певица, поющая живую родную песню, - не нужна. И песня - не нужна. И народ - не нужен. А кто же нужен тогда? Механические соловьи?

- Но как должна чувствовать певица, которая может петь и не поет?

- Тоска страшная. Всё немило, всё - без радости. Я ведь в хорошей форме - только бы пела! Когда пою, чувствую себя счастливой. Просыпаюсь - с радостью... Много я в жизни пережила и бед, и невзгод. А радость всегда одна была - песня. И той сейчас нету... Знаете, чем спасаюсь сейчас? Когда плохое настроение - я беру с полки Пушкина. Пушкин - это истина, это то, что держит всех русских людей вместе. По рождению я украинка, а по культуре, воспитанию, языку - русская. Помню, как воспринимали «русскость» в советское время. Главное, чтобы были в кокошниках, сарафанах. Этого было достаточно. Мне советовали : «Шура, ну чего ты, одень сарафан и ты будешь в первых рядах!» Но начнем с того, что я не любила сарафан. Он мне не шел! Русопятого костюма у меня никогда не было, чтобы ряженость какая-то, - я этого не принимаю. Нужно нести внутреннее от-

ношение к национальному чувству, а костюм должен украшать меня, гармонировать с тем, что я делаю на сцене.

- Люди сейчас не живут, а выживают в большинстве своем. Выживать - жить суетным. Но разве может такая жизнь родить высокое искусство?

- Нужно стремиться к вечному - вот что я поняла за свою жизнь. Тогда легче переносить повседневные невзгоды. Радости нет в стране, веры нет, надежды. А людям свет нужен. Они ведь терзаются, мучаются. Но при всем этом телевизор смотришь - настоящий шабаш - презентации, юбилеи, машины друг другу дарят, виллы, дачи. Да как не стыдно! При том, что народ голодает! Я выхожу на улицу и стараюсь одеться поскромней. Мне говорят: «Шура, что ты ходишь кое-как?» Да мне стыдно! Я оденусь, накрасусь, пойду - а меня люди узнают! Что я буду выпячиваться, когда народ так плохо живет?! Нет, я не сторонница жить кое-как, ходить в рубище. Но надо жить с любовью к жизни. К ее красоте - к цветку ли простому - ромашке, колокольчику, к запаху ли - полыньному, терпкому, к неброским краскам нашего лета...

И к песням, конечно, тоже...

*Москва,
январь 1999*

Новые сказки для старых русских

...А расскажу я вам, ребята, про славный край Бел-город, про то, какие там чудеса творятся и о коих Россия-то наша матушка знать не знает, ведать не ведает. И оттого детушки её в других краях-деревнях, городах-областях пребывают в тоске и унынии - пропала Россия, родная сторона! Но не печальтесь, ребята, Россия наша только начинается - жить ей и жить в веках, привольной и хлебосольной. Сбережем людей, будет и богатство. Сказки-то мои про лад да клад - людской погляд. Приглядывайтесь, ребята: что перенять, а чем утешиться...

Про курочку Рябу и золотого петушка

Кто не был на белгородском базаре, много потерял! Тут тебе и окорока копченые, и колбасы пахучие, и сметана-белоснежка в широких глиняных горшках, и масло фермерское, золотое, будто луна с неба упала. Сил нету про это рассказывать, не то, что по базару ходить! Хочешь не хочешь, а кошельком тряхнешь, потратишься.

Но выйдем в яичные ряды, которые и нищему по карману, - одно яйцо - рубль тридцать. Десяток - тоже не роскошь. Глянешь на ряды, порадуешься, сколько несушек по-

трудилось - целые куриные армии... Но вот возглас вдали:
- Дудникова, Дудникова яйцо!

Пока пробиралась я на таинственный призыв, привлекий и сдвинувший с привычных мест десятки хозяек и хозяев, яичко - пусть не золотое, но явно востребованное, закончилось. Подумалось: Дудников - петух что ли племенной? Или порода какая новая?

- Да не, - объяснили мне на рынке, - це пред колхоза «Россия». Яйца дюжа гарни куры несут у него!

После такой простодушной народной рекламы как не двинуться в село Купино Шебекинского района, как не посмотреть на легендарного Дудникова, председателя акционерного общества «Россия»?!

На месте выяснилось: птицефабрика для Николая Семеновича - игрушка, забава, приносящая, впрочем, хороший доход, а основное дело «России» - производство семян гибридной кукурузы. Местный калибровочный завод - единственный в стране, крупнейший в Европе, хорошо известен нашим фермерам и агрономам. Слава о заводе - добрая, ну, а параллельно в «России» построены и работают: мукомольный комбинат, завод по выпуску мешочной тары (3 миллиона мешков в год!), элеватор, склад - площадью один гектар... Ну и птицефабрика, на которую я отправилась скрепя сердце: как бы ни радовали душу базарные призывы, видеть рождение «яиц Дудникова», честно говоря, не хотелось. Ведь кто из нас, сельских жителей, не знает специфических запахов куриного производства?! Долго, долго они потом выветриваются...

И вот тут, скажу я вам (хотите верьте, хотите нет, за что купила, за то и продаю, если вдруг за душу возьмет, поезжайте за тридевять земель, да и поглядите): я больниц в жизни не видала, где была бы такая чистота, как на этой птицефабрике. Везде «евроремонт» - от стеновых панелей до потолков. Никаких запахов нет и в помине. Работают всего тридцать девчонок молодых, опе-

раторы-красавицы, в стильной форменной одежде. Куры Рябы (ломан коричневый, накормлены лучшим продуктом - оттого и яйцо качественное, «домашнее», с золотым желтком) дают свои законные 50 тысяч штук в день. Дудников скромно говорит:

- Любое производство можно начать с нуля и добиться успеха. Эту фабрику я проектировал сам, вплоть до цвета стен. Я так считаю: труд человека должен быть красивым, чтобы он не унижал, не угнетал. Скоро мы откроем цех инкубации, работать там будет один человек. Все процессы - температура, влажность записываются на компьютер. В будущем директор сможет руководить производством, не выходя из дома, вся фабрика у него - на компьютерном экране.

Вот такие чудеса...

Про красных девиц и добрых молодцев

Конечно, Николай Семенович Дудников, - «новый русский». Ездит на новеньком джипе. И сын, его, Евгений - тоже. Еще одного сына не видала, но вполне могу предположить, что и он не на бричке катается. Правда, сыновья у Дудникова - тоже председатели. Не лжебанкиры, не «золотая молодежь», прожигающая жизнь в «кабаках», а ответственные люди.

Дом у Дудникова - не соломой крыт. У детей его - тоже. Но ведь не на Канарах же вилла! Дома, на людях. Одет председатель «России» элегантно, с изяществом, скорее всего в костюме иностранного производства. Но что там костюм, если на акционерных полях работает страшно дорогой американский комбайн, который стоит нескольких джипов - «Джон Дир»? А комбайны CLAAS, «Бургони»?

Перевидав многие десятки «новых русских», «сельскохозяйственного» нового русского, да еще и такого

успешного, я лицезрела впервые. Смотрела изучающе: что еще? Чем похвалится руководитель «России»?

А похвалился он - сказками Пушкина! Вспомним: «У Лукоморья дуб зеленый...» Сказочный дуб, которому 500 лет, растет и здравствует на Белгородчине, неподалеку от Купино. Гигант - несколько человек объять его ствол не могут. Крона - зеленое облако! Не дуб, а император всея округи. Аккуратно огорожен деревянными плашками. А на каждой плашке очарованный путешественник может прочесть названия окрестных сел, деревень, хуторов и год основания их основания. Прошлое здесь помнят и гордятся им... Разве не сказка - и дуб цел, и деревни - с пушкинских и более давних времен - не пропали, не сгнули, не растворились?! Однако, это присказка, а сказка - впереди.

В том же Купино - дом народного творчества, которым руководит Николай Николаевич Кузюлев. Этаким мужичок-боровичок. И тут уж совсем чудеса пошли. «Мы, - говорит Николай Николаевич, - ребят воспитываем воинами, не помышляющими о предательстве, а девочек - хозяйками, хранительницами очага. Три года у нас детишки учатся семейной культуре, ну, тут и взрослым кое-что не грех перенять. Ремесла изучаем - ребячьи и девичьи, обряды, обычаи. Работали, работали, между делом две тысячи старинных песен собрали. Сейчас у нас - 500 детей. А вообще мы за 10 лет научили тысячу девочек быть хозяйками». Представляете, тысяча хозяек?! А если бы в России, да в каждом селе так? Да мы бы не знали, куда от счастья деваться!..

А воспитанники Кузюлева - тут как тут. В народных костюмах, носят их привычно, не тушуясь, без ряжености и смущения. Я смотрела на этих детишек и думала: насколько они богаче городских! Насколько их жизнь красивее! Девушка, к примеру, знает, что суженого может «сокол мой ясный» назвать, а не «пацан клевый»! А какую «Величальную» они спели - многоголосу! А с

какой гордостью парни из самодельной пушечки палили - здесь ведь, в доме творчества, и старинное русское оружие делают, и боевое искусство прошлого изучают. Разве купинский парень испугается армейских буден, и станет «липовые» отсрочки себе сочинять?

Так вот и ходила я по Купино, и думала: всё можно в России сделать, всё. При нашем народе - терпеливом, улыбчивом, трудолюбивом - разве не может Родина наша жить хорошо, пусть не богато, не роскошно, но - зажиточно, спокойно, ясно?! Всё можно сделать в России, если не лишать народ памяти - песни, сказки, былого величия его, и, если будущее из этого прошлого - великого и славного - вести...

Про волшебное зеркальце

Однако ж, продолжу сказки наши, сказки белгородские - не московские, сказки узорчатые, расписные, удивительные - неземные!

Да одно ли только Купино с его пятисотлетним дубом сказочно? А колхоз имени Фрунзе, где председателем дважды Герой Соцтруда В.Я.Горин и где механизаторы получают зарплату по десять тысяч рублей (ой, ну это уж точно сказка!). А «Стойленская нива», агропромышленный комплекс? А поселок Борисовка, именуемый в просторечии «Барбосовкой», где для борисовцев и жителей района действует программа «Одно окно» - район компьютеризирован, так что в любом сельсовете можно расплатиться за свет, газ, получить дефицитную справку, не толкаясь в присутственных очередях... А все же самый сказочный белгородский сюжет носит не местный - международный характер.

Помню: синее небо Белгородчины. Торжественные, ликующие колокольные звоны над зелеными холмами, полями - раздольными. И - общее напряженное

ожидание тысяч людей в зеленом театре, на склоне холма: торжественный момент, а фестивальнй флаг со славянским солнцем задержался, замешкался в самом начале пути. Минута, две - кажется, стяг никогда не вырвется в небо... Еще одно усилие - и флаг «пошел»! Так, под общее, ликующее «ура», был открыт уже третий Международный фестиваль славянской культуры «Хотмыжская осень».

Русский человек, измученный невнятицей, бедами, перестройками и реформами, долларом и «обвалами», что он должен был чувствовать на этом празднике?! Я - плакала. Это был очень веселый фестиваль, очень широкий и богатый, очень щедрый, красочный, как и сама Белгородчина. Пели и плясали: ансамбли из Воронежа, Тамбова, Липецка, Курска, Харькова, Минска, Гомеля, Луганска, Сум, Белгорода и Белграда. В палатках торговали игрушками, вышивками, полотенцами, свистульками, горшками, чеканками, корзинками - да и перечислишь ли всё! А украинские мазанки, русские избышки, белорусские хаты - множество подворий с колбасами, ватрушками, караваемы, окорочками, малосольными огурчиками, зажаренными молочными поросятами - как зазывали в них хозяйки и

хозяева! И на всем пространстве шумящего, веселого, гуляющего праздника - ни одного пьяного! Ни одного матерного слова! Ни одного бомжа, побирушки! Так вот значит, мы какие - русские! Вот значит, мы какие - славяне! Как же тут не заплакать: ведь ежедневно, еже-часно, мы, включив телевизор, видим себя другими: неумехами, неудачниками, ворьем, пьяницами, развратниками, лентяями!.. А мы, оказывается, другие. И губернаторы у нас не все - бандюги да проходимцы. И председатели не все - воры. И комбайнеры у нас не все - доходяги. И дети наши не все - наркоманы. И песни наши - не все пошлейшие телечастушки «Семеновны». И сказки наши - наши былины. Ведь Хотмыж, древний город Хотмыж, являлся одной из вершин «белгородского треугольника» - «Хотмыж - Белавежа - Змиёв». А треугольник этот - прародина древних русов. Так надо ли удивляться, что именно здесь, на Белгородчине, вспоминается пушкинское: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»

У каждой сказки должен быть счастливый конец, иначе и в жизни продолжения не будет. Но «волшебное зеркальце» не показало телевизителям ни задорных танцев тамбовчан, ни ладного, голосистого Сергея Шишова из «Хохольских родников» (Воронежская область), ни слаженного ансамбля луганских казаков. Не показало и «яиц Дудникова», а вместо этого мы видим без конца другие яйца и прочие органы - в совокуплениях... Ничего не знает страна ни о Горине, построившем коммунизм в своем колхозе, ни о красивой Борисовке, ни о не менее уютном городе Грайвороне, ни о стойленских комбайнерах, крепко умеющих работать. В телезеркальце, словно им злой маг овладел, появляются совсем другие картинки... Вот и сельский житель там - нечастый гость. А ведь это - человек труда. Кто же, кроме труженика, достоин высшего почета? Неужели путаны да рэкетиры?!

...Да, да, робята, вот до чего мы дожили, правду рассказываю вам как сказку, нигде, ни в одном зеркальце её не увидеть, и, видно, не дождать. Но вы, робята, не робейте. Помните, что говорили древние: «А врагов своих - не бойтесь. Их не так много. А потом, мы - русы, а они - нет». Так что, робята, верьте в сказки. Но не в заморские, сладкие, а в наши, родные, русские. Во что поверим, так и жить будем. Так-то.

*Белгородская область,
2001*

Казанский дневник

- А в этой церкви венчался Пушкин с Натали, - я показывала друзьям-немосквичам столицу.

Мы шли вечерней, весенней, золотисто-закатной Москвой. Красивый город - Москва! Друзья шумели. А я вдруг вспомнила своё потрясение, когда впервые услышала:

- В этой церкви венчался Пушкин с Натали. Понимаешь, сам Пушкин! С ума сойти! Вот он шел здесь... Видел это небо... Ну, ты понимаешь?!

И я поняла. Ток времени стал живым. Времена - живыми. Пушкин - живым и великим. И я - пусть меня Бог простит - стала на мгновение великой, потому что в этот миг моя обыкновенная, незаметная жизнь чудесным образом соединилась, сомкнулась с величием Пушкина, его творений, с красотой и щедростью русского языка, со всей нашей историей. То, что я почувствовала, называется сопричастность. Жизнь моего народа, моей земли, Руси-России, словно продлилась во мне, и какое же это счастье - быть причастным к великому, и, в меру сил и способностей, длить это величие, чувствовать его, нести его груз! Вот, оказывается, что есть слово, язык, красота! Мы ведь в обыденности часто забываем, перестаем понимать, *что* значат для нас писатели! А они озвучивают нашу немоту. В своих стихах, поэмах, прозе они берут такую непостижимую, небесную высоту, что словно го-

ворят нам: «Вот как можно жить, чувствовать! Вот что можно видеть, вот о чем можно думать!» И высоту эту - общения человека с человеком, с миром, со звездами, с глубинными смыслами - невозможно удержать тиражированием, «производством». Изобретение телевидения привело телевизор в каждый дом, и «ящик» - прочный элемент «прогресса». А пушкинское откровение:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты, -

ну, не стало же оно «нормой жизни»... Но не будь этих строк, не будь Достоевского, Толстого, Гоголя, Лермонтова, Есенина, Блока, насколько мы были бы беднее! Настолько, что мы даже бы не догадывались о том, что есть *иная* жизнь. И телевизор бы нам в этом осознании не помог, вот в чем беда! Но, оказывается, писательский прорыв сквозь «немоту» всегда сопровождается техническим, научным прорывом; ведь и телевизор-то, между прочим, изобрели в России!

Да, сложное это дело - народная жизнь. Сложное явление - язык. Сложное, почти неопишуемое понятие, - образ. Но во всем этом есть непостижимая, живая цельность, уходящая в глубь веков, и можно только догадываться, каким сильным было чувство сопричастности России, языку у Пушкина, если *видимая* сторона этой сопричастности - стихи, проза - столь проникновенны, пронзительны, покоряющи.

У всех нас, кто имеет непосредственное отношение к языку, - поэтов, журналистов, литераторов - есть величайшая ответственность, миссия - хранить и множить чувство сопричастности к великому. Эта ответственность - больше, чем власть. Во всяком случае, власть земная - депутата ли, министра или даже президента. И наш долг - говорить о том, о чем земная власть стыдливо или неумно молчит. Говорить ясно, точно и беспощадно.

Русский язык и русские в Татарстане. Я - гость Казани. Гость Всероссийской научно-практической конференции «Русский язык в школе: опыт, проблемы, перспективы».

Гостиница «Татарстан» - в самом центре старой Казани и, вероятно, одна из лучших в городе. Зеркальные лифты - я поднимаюсь на свой этаж. В лифте - краснолицый, среднего роста, мужчина. В шапке, куртке. Судя по одежде - среднего достатка, хотя гостиница «Татарстан» - не из дешевых.

Он коротко спрашивает меня по-татарски.

- Я не знаю языка, - извиняюще повожу плечами.

- Вы русская?

- Да.

- Русским хорошо, - с неожиданной злобой говорит он. - Самая выгодная нация. Можно ничего не делать, только жрать да с...ть, - двери мягко открылись, и он растворился на своем этаже.

...Теперь я благодарна этому «пламенному патриоту» за науку. Во-первых, он меня сразу избавил от романтического восприятия здешних мест. Во-вторых, пусть примитивно, грубо, натуралистически, но зато ясно, он «перевел» для меня смысл веле-речиво-восточной, «взвешенной» государственной политики «суверенной» республики. Жаль, конечно, что в лифте ехала я, а не Пушкин, не Шаляпин или не Алексей Пешков. Вряд ли бы они стали «труженику» рассказывать про «вклад России» - это бесполезно. Просто дали бы по физиономии, и всё. Но смысл местного «патриотизма» в том и состоит, чтобы брать верх в заведомо неравной борьбе. Не ползет ведь женщина драться с мужчиной!

Этот случай - песчинка, всего лишь ничтожнейшая песчинка в огромных часах по имени «Время». Но я не

могу не придавать этому случаю значения; ведь тогда и то, что я испытала, глядя на церковь, где венчались Пушкин и Натали, - тоже ничего не значит! В жизни каждого человека, и народа, и государства, при всей их широте, непознаваемости, неожиданности, есть некая неведомая цельность. Я до сих пор жалею, что опешила тогда, в лифте, просто растерялась от такой беспочвенной наглости, совершенно беспричинного хамства, и не нашлась, что сказать. Это чувство обиды *на себя* мучает меня до сих пор.

Нынешняя власть в Татарстане есть, по моему мнению, упрощенная схема, под которую подгоняется действительность, схема, настолько примитивная, «оборванная», заимствованная, а не выросшая из глубин здешней жизни, что она поражает всякого, кто прибыл «извне», именно своим абсурдным схематизмом.

В основе этой схемы - неестественное, непропорциональное и, прямо скажем, незаслуженное засилье во властных структурах представителей «титульной нации».

Обратимся к брошюре публициста В.С.Малахова «Золотое кольцо России и наследники Золотой Орды» (М., 2000). «По официальным данным, в 1989 году проживало: татар - 48,5 %, русских - 43,3 %, остальные - 8,2 % - чуваша, мордва, украинцы и др. Следовательно, первых меньше половины от числа жителей. Но в Госсовете (парламенте) РТ 85 % мест занимают татары. В Совете Министров РТ из 35 членов кабинета 26 татар, или 75 % от общего состава. Остальные члены кабинета возглавляют, как правило, второстепенные министерства и госкомитеты: охрана окружающей среды, санитарно-эпидемиологический надзор, соцобеспечение и проч.

В Казани проживают 60 % русского населения, но оно имеет лишь 33 % мест в горсовете. Из 52 глав районной администрации - 43 татарской национальности, или 82,5 %, а вместе с заместителями татары в администрациях представлены 90 %».

Как же возникла подобная диспропорция? Избирательная «машина» работает таким образом, что голос одного сельчанина (а татарское население преобладает в сельских районах) весомее голоса жителя Казани в 4,3 раза. «Он из деревни» - характеристика, которую дают представители местной интеллигенции многим «столпам власти». Характеристика эта - вариант известной поговорки: «Из грязи - в князи». Из людей с минимальным уровнем культуры, кругозора строится властная «пирамида». Достаточно мало: видная внешность, татарская фамилия, сотовый телефон... Пирамида устойчива, потому что в «восточных» авторитарных системах предполагается, что маленький начальник всегда глупее большого начальника, а уж умов выше «первого начальника» существовать не может в принципе. Кадровый подбор идет строго по «кальке». Какие уж тут «альтернативы», «ротации»... Третий президентский срок - вынь да положь.

«Процесс татаризации, - пишет В.С.Малахов, - осуществляется в республике по каналам государственной власти: тихо, скрытно, но настойчиво и целеустремленно». Национальные проблемы не принято обсуждать в местных СМИ. Нет обсуждения - нет проблемы. Но на обыденном уровне национальный вопрос всплывает постоянно.

Роза, моя соседка по гостиничному номеру, возмущается:

- Я вообще не понимаю этой жизни! У Шаймиева - скважина нефтяная, у его сына - скважина. Где эти деньги, куда они деваются? А учителя, бедные, как мне их жалко! Из последних сил тянутся! В больницах тоже ничего нету. Мне операцию делали, все свое - от бинта до лекарства. Так меня по знакомству положили, в хорошую клинику. А как же другие? Нынешняя власть вообще о людях не думает!

- А вот ислам, возрождение веры...

- Ой, ну это просто смешно! У нас теперь что ни мулла, то бывший партработник. В революцию кто мечети рушил? Русские, что ли? Нет, татары. Сами веру свою предали, а теперь ислам, Аллах...

Роза - голубоглазая, стройная, светловолосая. Я - темноглазая, темноволосая, смуглая. Я осторожно спрашиваю Розу:

- А вы... русская?

- Да почему! Чистокровная татарка! А вы... татарка?

- Нет, русская... Чистокровная.

Несколько секунд мы испытывающе, недоверчиво смотрим друг на друга. А после уже не можем удержать общего, объединяющего смеха...

Счастье России, Татарии, Башкирии и многих других местностей и областей состоит в том, что народ не укладывается в «схему» и все еще остается умнее, трудолюбивее, сообразительней своих правителей и не творит из «первого начальника» кумира. Тогда начальникам самим приходится работать над «образом».

Набережная Казанки. Памятник Карлу Фуксу, благородному немцу, ученому, другу Пушкина, человеку, немало сделавшему для Казани. Недавний, «перестроенный» памятник. Задумчивый Фукс с цилиндром, с тростью в руке. Если очарованный созерцатель двинется вокруг монумента, размышляя о бренности бытия, о текучести времени и прочих философских, метафизических материях, то он обязательно наткнется на «реалию». В мощном немецком кулаке - скульптурная голова мэра Казани, венчающая собой фуксовскую трость.

Да, начальству хочется прижизненной бронзовой славы. Вернувшись в Москву, я первым делом пристрастно осмотрела памятники новейшей эпохи. Нет ли в жеребце, что под Георгием Жуковым, какого-либо сходства с мэром Лужковым, а в складках одежды Чехова аллегории с его заместителями Шанцевым или Реси-

ным? И не «списана» ли статья и походка Сергея Есенина, что на Тверском бульваре, с «имиджа» председателя московского Комитета образования Любови Кезиной? Увы, увы. Церетели, главному московскому вкусоведу, нужно еще многому учиться у казанского мэра.

Но что мэр! Учителя одной из казанских школ мне рассказали: «Спускают «сверху» тест по истории. Для десятиклассников. Первый вопрос: какое хобби у премьер-министра Рустама Минниханова? а) велогонки; б) скачки; в) автогонки. Ну, мы собрались в перерыве, посудачили, повозмущались и разошлись».

Да, вот вам и национально-региональный компонент! Вот вам и новейшая история! Уже не первый год, как пишет В.С.Малахов, оппозиция и честные депутаты парламента трех созывов пытаются «протестировать» исполнительную власть на предмет подробных сведений о добытой в республике нефти, но тщетно. Вот почему первый «исторический» вопрос для школьников должен быть, наверное, сформулирован так: сколько нефтяных скважин у тов. N? а) одна; б) две; в) много...

Министерство образования РТ, будучи зависимым от даденных или не даденных ему денег, полностью «встроено» в существующую «схему», начиная от нацсостава «кабинета», заканчивая проводимой «политикой». Одна из публичных акций этой политики - упомянутая выше конференция по русскому языку.

Урок литературы в татарско-английской гимназии - «Первый день с Раскольниковым в Петербурге (воображаемая экскурсия по Петербургу Достоевского)». Сразу скажу, что учитель - Сюмбель Богданова - очень сильная. Но, сидя в классе, я размышляла вот о чем: а нужно ли в нынешнем Татарстане преподавать великую русскую литературу? И, в частности, Достоевского? Петербург Достоевского - «груды мертвых камней» - доходные дома, дворы-колодцы, комнаты-гробы, черные лестницы, питейные заведения.

- Ребята, почему в городе такое количество питейных заведений?

- Такова была позиция русского правительства. Затуманить мозги. Пьяный человек для верховной власти безопасен.

Идем дальше. А герои-то, герои каковы?! Распутный Свидригайлов. Сонечка Мармеладова с желтым билетом. Раскольников, положительный герой, и тот - убийца! Признаюсь, с такой точки зрения Достоевский открылся мне впервые. И если прибавить к мрачному классику современное ТВ, растущие как грибы мечети, национальные обиды, несомненно, захочется чего-то «чистого», «решенного». Например, ваххабизма.

Учитель, правда, сказала, что Петербург - это город высокой культуры, а в нынешней Казани пороки отнюдь не вянут, но кто убедительней: Достоевский с запечатленным, экспрессивным словом или Богданова с устной речью?

По иронии судьбы, следующий урок - в 5-м классе - тоже был путешествием, но уже по Казани. Эпиграф из татарского поэта Сибгата Хакима:

Спросите нас: - Откуда вы?

- Мы родом из Казани,

Где белокаменный свой кряж

Над Волгой поднял город наш,

Где пел Сайдаш, писал Такташ

О милом Татарстане.

И дальше, по ходу дела:

- Мы отправляемся в путешествие по нашему любимому городу. Кутуй писал: «Здесь, что ни камень - то кусок былого. Здесь, что ни площадь - вечной славы сад».

Свидригайлов с Раскольниковым и Сайдаш с Такташем. «Груды мертвых камней» и «куски былого». Есть разница, не правда ли?

Конечно, такие сопоставления в доперестроечную пору просто в голову бы не пришли! Может, они и глупы,

эти сопоставления. Но они невольно рождаются, вырастают из логики здешней жизни, логики, которая выстраивается властной «схемой». Национальная ограниченность часто проявляется в надуваемости национального величия. А показателем национальной широты иногда может быть беспощадная требовательность к себе, и даже - самоуничужение. Всякому овощу - свое время. Пусть пятиклассники признаются в любви к родному краю, а старшеклассники погружаются в стихию Достоевского, Толстого, Шолохова! Но тогда мы вправе требовать от власть имущих усвоения «литературных» и «исторических» уроков. И удивляться - опять двойка!

...После уроков - театрализованная композиция. Хор мальчиков, татарская песня. Строй голосов, в котором течение рек, гул лесов, протяженность степи, удаль всадников - даже не зная языка, по песне можно всегда оценить красоту народа. Народа, с которым мы уже давно и кровно перемешались, помирились и примирились, многое переняли друг у друга, многое пережили вместе... Красивая песня, и красивый народ! Но вот на сцене женщина в национальном костюме. Что-то гневно говорит в зал... Её сменяют другие выступающие.

Учительница, сидящая рядом, тихонько говорит мне:

- А я видела эту же композицию полгода назад, нас сюда приглашали на мероприятие. Тогда женщину, символизирующую Идель (Волгу), стаскивали со сцены мальчики в русских костюмах. Теперь этого эпизода нет...

Ну что ж, спасибо и на этом.

«Татарстан - для татар», - нет, такого лозунга я здесь не встречала. Но один чиновник в порыве доверия сказал мне: «Если бы мы не платили налоги в Центр, здесь вообще был бы Кувейт». Наивные, наивные люди! «Нам думать не надо - под нами нефть!» Нефть, это уж само собой разумеется, принадлежит не РФ и даже не РТ, а

титульной нации. А то, что у этой самой нации, попади она в другой исторический «контекст», не то, что нефти, но и «суверенитета» не было бы, это как-то не в счет. Судьба курдов в «дружественной» Турции ничему не научила. Ничему!

Уроки прошлого - не усвоены. С ближайшей исторической эпохи вольно или невольно копируется идеология, только теперь уже не коммунистическая, а националистическая. Новое содержание - в старые формы. Вместо «комчванства» - «нацчванство». Территория государства «Идель-Урал», каким видел его националист Г.Исхаки, должна была простираться от Каспийского моря до Златоуста. Казалось бы, работа Исхаки вышла в 1934 году в Париже, и какое отношение она имеет к сегодняшнему дню? Гуляя по Казани, я заглянула в Институт истории Академии Наук Татарстана. В коридоре этого академического учреждения - географическая карта. Признаться, никогда прежде я не встречала столь причудливого видения мира. Куда там Птолемею! Да, материки все на месте. Легко узнать остров Кубу и остров Мадагаскар. Не потеряешь Турцию и Татарию - подписаны большими буквами. Но карта как-то так нарисована, что Восточной Европы на ней нет. Совсем. И от Западной Европы мало что осталось, но все-таки галлам и саксам повезло больше, чем славянам. Тесно нам на одной карте с великими булгарами, что уж тут поделаться!

- А вы видели карту в Институте истории? - спросила я чиновника в местном КГБ (хотя силовые структуры в регионах подчиняются Москве, здесь они в «суверенитете» - сохранили прежнее название).

- Нет, не видел.

- Занятное зрелище... Но я вас хочу о другом спросить. Ни на одном административном здании (кроме военной комендатуры) я не видела российского флага. Как это объяснить? Неужели ткани не хватило?

Чиновник вежливо улыбается.

- Ни на одной вывеске, в том числе и на той, которая украшает здание вашего ведомства, я не видела герба России... Это, вероятно, свидетельствует об определенной политике местного руководства?

Но что мне мог сказать этот кэргэбэшник? Он мог бы мне сказать следующее: а тебе что, больше всех надо?! Приезжал же в Татарстан Президент Путин, «скушал» и отсутствие флагов, и строящуюся на территории русского Кремля мечеть Кул-Шариф, которая будет самой высокой в Европе. В духовном управлении мусульман я видела календарь с улыбающимися Шаймиевым и Путиным на фоне уже возведенных минаретов. Политика? Дипломатия? Или всё-таки безрассудство?

Да и делегация Минобразования РФ, прибывшая на конференцию по русскому языку, что, разве она стала обострять мирное течение «соцреалистического действия»: мир, дружба, все хорошо. Нет, не стала. Посидела в татарском президиуме, посмотрела в почти сплошь татарский зал (как будто из шести тысяч преподавателей русского этим благородным делом в республике занимается исключительно титульная нация), поела «чак-чак»¹ и убежденная в собственной значимости отбыла. А могла бы, например, спросить:

- Почему почти все школы в Казани стали русско-татарскими?

- Почему урезали часы на русский язык при сохранении прежней программы?

- Наполняемость татарских классов (их обычно не более одного в параллели) - 10-15 человек. Учителям татарского доплачивают 15 %. В остальных классах при изучении татарского (шесть часов в неделю с 1-го по 11-й) группу делят пополам, и учителя опять же получают надбавки. Зато преподавателям русского не доплачивают ни в татарских классах, ни в обычных, хотя интенсив-

¹ Национальное блюдо.

ность труда возросла в два раза - ведь часы-то урезали! И это называется - дружба народов? И это - «укрепление русского языка как языка межнационального общения народов РТ»¹?!

Вряд ли чиновники из Минобразования «не знают», что происходит с преподаванием русского в Татарстане. Вряд ли Путин «не догадывается», что мечеть в Кремле не только «символ культурного возрождения». (В Казани мне рассказывали, как у президента Шаймиева спросили: почему так много строится в республике мечетей и так мало православных храмов? - Мечети быстро строить, а православные храмы долго, - ответил он.) Но - молчат. Благодарят и улыбаются. Как будто «ваньки безродные». Как будто у них за спинами нет ни Петра Великого, ни Ивана III, ни Екатерины II, ни Александра Шишкова, ни Карамзина, ни Бодуэна де Куртен, ни Мусы Джалиля, ни Владимира Даля, ни Лобачевского, никого! Это ж какое нужно было получить образование и какие иметь способности...

Есть еще один вопрос, «решенный», который имеет непосредственное отношение к русскому языку в Татарстане и который ни в «полслова» не прозвучал на конференции. Это перевод графики татарского языка на латинский алфавит.

История вопроса вкратце такова. В 922 году к предкам татарского народа пришло арабское письмо, которое в разных формах и стилях просуществовало десять веков. Татарский язык богат гласными звуками, и после 1917-го усиливается работа по реформированию арабской письменности и лучшему приспособлению её к тюркским языкам. Развивается и движение за постепенный переход на латиницу. Татарский вариант латини-

¹ Из «Республиканской целевой программы «Русский язык в Татарстане» на 2001-2005 гг.».

цы («Яналиф», т.е. «Новый алфавит») просуществовал с 1927 по 1939 год. Интересно, что с протестом в ЦК ВКП(б) против перевода на латиницу татарского алфавита в мае 1927 года выступили 82 ученых, среди них - Галимзян Шараф, один из инициаторов создания культурно-национальной автономии мусульман - Штата «Идель-Урал». (Доклад об автономии он делал на Национальном собрании в Уфе в 1917 году. В 1937 году Шараф был репрессирован как националист).

С 5 мая 1939 года после Указа Президиума Верховного Совета ТАССР татарам пришлось опять переучиваться - алфавит был переведен на кириллицу. До последнего времени шло его совершенствование. Но в перестроечную, «революционную», эпоху тяга к перемене букв обострилась. В сентябре 1999 года, после *местной* дискуссии с привлечением *турецких* лингвистических кругов и с подачи Академии наук Татарстана принимается Закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики». Срок «переливания крови» - до 1 сентября 2011 года...

Казалось бы, это внутреннее дело - кому какими буквами пользоваться. Это настолько внутреннее дело, что оно даже не обсуждалось с центральными научными учреждениями России! (Правильно, своя же Академия наук есть, со своими картами!) Читатели «Вечерней Казани», единственного местного «зубастого» СМИ, недоумевали: почему, если власти так пекутся о национальном возрождении, не вернуться к арабскому алфавиту, ведь татары пользовались им целое тысячелетие, да и Коран, как известно, создан на арабском. Гүльнара Калганова пишет: «Мотивы перехода на латиницу сегодня не только в правильности произношения, а в большей степени - это политический шаг, желание отделиться от России». А другой читатель, Л.Урасин, добавляет: «Не потому нужно менять кириллицу на латиницу, что латиница удобнее. Вся беда в том, что русские пользуются кириллицей. Это их

язык. Вот если бы турки пользовались кириллицей, а Россия была бы латинизирована, то никакие проблемы не возникали бы. Мы бы возносили благодарность Аллаху за то, что он нам дал кириллицу».

Действительно, новая латиница - вовсе не «Яналиф», который столь внимательно изучал Гализямзян Шараф, и за который отчасти получил восемь лет лагерей. В татарском языке - 40 фонем, исконных и заимствованных. В гонимой кириллице - 38 букв. А в новой латинице, внешне значительно сближенной с турецким алфавитом, 34 буквы. Спрашивается, так какой же алфавит «полнее»?

«Давайте честно признаемся, - пишет в «Вечерней Казани» Анвар Касимов, - что главная цель латинизации - вырваться из объятий России, насолить русскому языку, попытаться «прорубить окно в Европу» посредством алфавита (недаром наш президент - такой почитатель Петра I)». Далее Касимов предлагает «реформу» более радикальную: вместо турецкого взять за образец для подражания японский. А что, иероглифы в Европе - это «свежо, оригинально, туристично». Да и политическое устройство Японии с идеями нации-корпорации, лояльности более подходяще для Татарии, чем Турция с ее курдскими сепаратистами. К тому же Япония побогаче Турции, поможет методически и финансово, организовав курсы и стажировки для чиновников Минобразования и парламентариев...

Смешно? Грустно. Да, в нашей стране никому ни до кого нет дела. Никто не считает - у кого сколько скважин, а уж тем более, у кого сколько букв и каких. Единственная организация, озаботившаяся происходящим в Татарстане, - Комитет Госдумы по делам национальностей, чья рабочая группа находилась в республике в январе этого года. Вывод группы однозначен: «Как лингвистические, так и педагогические основания для данной реформы графики в настоящий момент отсутству-

ют». Спрашивается, а какие же тогда основания «присутствуют»? Естественно, политические.

Доктор филологических наук, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова, крупнейший тюрколог Дмитрий Насилов в своей справке по проблемам национального образования в РТ пишет: «Обращает на себя внимание, что утвержденный соответствующим законом алфавит на латинской основе во многом копирует современный турецкий алфавит». И далее: «В правовых актах РТ об образовании игнорируется вопрос о формировании общероссийского гражданского сознания».

Какие же это акты? Во-первых, «Концепция татарского просвещения» (1991). Именно в ней сформулирован курс на автономизацию национальной школы РТ, её изоляцию от российского образовательного пространства. Да, есть «внешний фон» в форме тезиса о необходимости учета мировой культуры (в том числе и русской). Но основные тезисы - другие. Это:

- миссия лидерства в отношении остальных тюркских народов России и даже в отношении всех мусульман России;

- установление и интенсивное развитие (минуя общее российское духовное и культурное пространство) прочных связей с Турцией как ведущим современным светским тюркским государством;

- организация воспитания и образования прежде всего на основе тюркской, восточной и исламской культуры.

А в июне 2000 года в Казани опубликована «Национальная доктрина развития образовательно-воспитательных систем в РТ», которая автономизацию нацшколы не только не смягчила, но и усилила. Федеральные учебные планы становятся «вторичными», а местные - «первичными». В п. III «Языковая политика», в частности, сказано: «В настоящее время в республи-

ке ставится вопрос об отказе от унитарной системы и создании национальной системы образования. Вполне понятно, что в скором будущем придется отказаться от московских программ и учебников и подумать о составлении «своих» учебно-методических пособий для русских школ, *поскольку реорганизация унитарной системы образования в национальную касается и функционирующих на территории республики русских школ* (курсив мой - Авт.)».

Интересно, известны ли эти документы чиновникам из Минобразования РФ? Благостные лица представителей московской делегации на конференции по русскому языку говорят одно - нет, неизвестны. Потому что я не верю, что расположение Москвы можно получить всего лишь за бесплатный обед с «чак-чаком». А взятки наше Минобразование не берет. Да их ему никто и не даст.

Я вообще считаю, что с нашего безденежного Министерства образования нужно спрашивать строже. Роль его вовсе не так уж периферийна, как это кажется людям, которые в нем работают. Если бы в школе в эпоху перестройки было бы меньше «вариативности» и чехарды с содержанием образования, то добыча «Хопров-Инвестов» и «Властилин» была бы не так велика. Если бы о брожении в Чечне, о проникновении в систему школьного образования нездоровых настроений Минобр **сразу же** бил во все колокола, вопиял и вопрошал, то гробов было бы меньше. И мы даже не представляем - насколько меньше! Но неужели чеченский пример - та же нефть, тот же «суверенитет» - нас ничему не научил?! И что, чеченцы счастливы теперь своим «суверенитетом»? А мы, что, счастливы ельцинской добротой: «берите суверенитета столько, сколько можете унести»? Ломать - не строить. А строить - так уж без глупости и хитрости, на честных основах, прочных. По народу своему нужно строить дом, по силам его.

...А мы всё надеемся, что «волжский» темперамент «похолоднее» кавказского, все молчим, а то и превозно-

сим мудрость Казани, все оправдываем федеральную «стеснительность» в ответ на местную «самобытность»: «восток - дело тонкое». Напрасно. Вот еще одна цитата из справки, подготовленной рабочей группой Госдумы: «Доктрина национального образования в Республике Татарстан является отражением государственной политики в области образования, в ней последовательно проводится идея возрождения суверенного государственного статуса Республики Татарстан; по ней РТ находится не внутри России и не вне России, а рядом с Россией (то есть по существу речь идет о политическом союзе на принципах конфедерализма)».

Казань, Казань... Родной город. Здесь пел Шаляпин, испытывал свою жизнь на прочность Горький, бывал Пушкин, здесь учился молодой Лев Толстой, так и не закончивший Казанского университета... Много позже, в августе 1903 года, отчасти по своим казанским впечатлениям, Толстой напишет рассказ «После бала», пронзительное повествование о том, как у молодого человека, студента, прошла любовь к очаровательной Вареньке. А все потому, что отец ее, армейский полковник, после блестящего бала и мазурки хладнокровно руководил расправой над беглым татаринном.

Казань - бывший купеческий город со множеством храмов, церквей. Михаил Худяков, очень почитаемый среди местных националистов историк, относил основание Казани к 1401-1402 году. «Энциклопедический словарь русской цивилизации» (М., 2000) приводит новейшие данные - Казань основана в 1177 году булгарами. Странно, что составителям словаря ничего не известно о дате 1004 год - перестроечная археология нашла в местном Кремле монету, которая дала повод к празднованию в скором времени *1000-летия* Казани. Дело историков (и не только местных) решать вопрос о стратификации и подлинности находки. Древний город

Аркаим, что обнаружен археологами в Челябинской области, вообще датируется шестнадцатую тысячелетиями до нашей эры. Беда в другом. Празднованию 1000-летия Казани ненавязчиво придается политический подтекст - столица Татарстана древнее Москвы! А Санкт-Петербургу, с его тремя столетиями, и вовсе соваться в историю не стоит! Знай, как говорится, наших...

В Казанском Кремле турки реставрируют бывший губернаторский дворец - для президента. Рядом - «падающая» башня Сююмбеке, построенная в правление Анны Иоановны. На башне - новенький полумесяц. Зато на церкви Всех Святых, что сразу за губернаторским дворцом, никаких крестов не предвидится. В храме - столовая. Правда, Благовещенский собор, что расположен в самом центре Кремля, реставрируется силами местной епархии. Я зашла на стройку - горы хлама, мусора, «срама». Реставраторы по сантиметру расчищают фрески...

На строительстве мечети Кул-Шариф - она неподалеку - затишье. Пятница, выходной. Лишь одинокий пенсионер бродит между мраморных плит. Мы познакомились. Я попросила Василия Васильевича сравнить «стройки века».

- Я атеист, и к религиозным делам равнодушен. Но, как бывшему строителю, мне интересно посмотреть на работу. Мечеть, по моим ощущениям, «холодная». Слишком много мрамора, помпезности. «Выношенности» некоей нет, понимаете? Вот я так считаю: строит человек себе дом. Всё у него есть - средства, место хорошее, материал. А какой он дом хочет - не знает. Увидел у соседа - давай и я себе такой же. А ведь культовое сооружение - это дом, если так можно сказать, для «души» народа. И его надо делась с душой, а не с расчетом - кого-то удивить или в вере своей кого-то «превзойти»...

Размышляя о словах старого строителя, я покидаю Кремль, спускаюсь вниз по Кремлевской, сворачиваю на улицу Дзержинского. И тут мне явилась картина, ко-

торая превзошла все мои казанские впечатления. Скажу сразу, если бы в Москве, перед храмом, где венчался Пушкин с Натали, я когда-то не замерла, не пережила бы чувство сопричастности и высоты, не шагнула бы вдруг в XIX век, то и мимо дома 11 по улице Дзержинского я бы, скорее всего, прошла, проскочила. И очерк мой о казанской жизни был бы, возможно, другого «тона». Но - исторический центр Казани. Старый город. В двух, что называется, шагах от «культурного возрож-

дения» - старая-старая, ободранная вывеска с едва читаемыми буквами: «В доме, находящемся в этом дворе, в 1846-1847 гг. жил Л.Н.Толстой».

Тут необходимо сказать, что в Казани очень любят вывески. Местные деятели партхозстроительства и промышленности (вполне возможно, глубоко уважаемые и достойные люди) увековечены с помощью добротных - чугунных и гранитных - вывесок сплошь и рядом... Поколебавшись у вывески, я шагнула во двор, и с этим ша-

гом будто оказалась совсем в другом времени, в другом измерении и в другой логике.

Это была самая обыкновенная трущоба, «шанхай», «Петербург Достоевского», «груда мертвых камней», что угодно. Мусорные кучи. Приземистое двухэтажное здание, лишенное окон, - тоже место свалки. Зловоние нечистот, которые веяли из дома, было столь сильным, что рядом было трудно стоять. В убогом дворике плохо одетый мужчина правил русло для талой воды. Рядом - женщина со спитым лицом, ненормально возбужденная, суетливо размахивала руками. Я нерешительно остановилась.

- Вам чего?

- Да вот дом, где Лев Толстой жил...

- Вить, - возопила женщина, - глянь че делается, про Толстого вспомнили! Откуда ж ты взялась?! С Марса, что ли?!

В глубине двора угадывался купол храма, давно, впрочем, превращенный в светскую «постройку», неподалеку стоял двухэтажный дом. Тоже без окон, донельзя загаженный, забитый мусором. Обитатели «шанхая» с энтузиазмом взялись за «экскурсию»:

- Вот он, дом этот...

- Не может быть!

- Почему ж не может! Очень даже может! Ты че, не веришь? Лет двадцать назад сюда столько экскурсий водили. Этот ж на наших глазах было. Тут, гляньте, и вывеска висела - «Здесь жил Лев Толстой», а потом ее выковыряли. Другую, с улицы повесили...

Действительно, на фасаде здания, на уровне второго этажа, темнело четырехугольное пятно от бывшей вывески.

- Но почему здесь так всё запущено?

- А исторический центр сносят. Тут, небось, офисы настроят или коттеджи для богатых. А жильцов расселяют по новостройкам. Мусор никто отсюда не выво-

зит, так, конечно, выбрасываем, куда придется. И в толстовский дом - тоже...

- Ни в юбилей, ни в день смерти, ни в день рождения никому этот Толстой не нужен, - горячился жилец Вита, - и мы вместе с ним не нужны. А это ж история, человек какой - на весь мир знаменитый!

Подошел еще один жилец - татарин Гельфан, который, впрочем, попросил называть его Геной.

- Это ж вообще место ценное. Мы ведь живем в бывших монастырских помещениях, стены - полтора метра. У меня над головой - святые!

- Как так?

- Идемте, увидите.

И я увидела в Гениной коммуналке расчищенные фрески - Христа, Деву Марию, Николая Чудотворца... Светлые лики над развешенным на веревках бельем, над немудрящим домашним скарбом, над всей нашей жизнью - часто такой суетной и бездарной.

- Некоторые соседи масляной краской роспись закрасили. А мне - нравится. Они же никому не мешают! Наоборот, красота какая!

- Гена, - спросила я хозяина, - неужели ничего нельзя сделать? Неужели все это пропадет и уйдет - и Толстой, и эти фрески, и остатки монастыря?

Гена почесал крепкой пятерней в затылке.

- Да почему нельзя? Все можно. Если бы нам отдали в собственность эти дома, люди бы всё сделали. Постепенно, не в один год, конечно. Ведь место - лучше не бывает, центр. Всё - рядом. Это не то что мне предлагают ехать на какую-то окраину, я уж один раз отказался... Говорят - ветхое жилье. Да какое ветхое - тут все на века построено. Стены - полтора метра. Динамитом, наверно, рвать будут. А потолки какие! Нет, нам бы дали с зятем - не коммуналку, конечно, а квартиру - мы бы все сделали. И другие бы сделали. Но ведь не дадут. Не про нас место это...

...Мне кажется, что познание - смысла своего существования, мира и бытия - одно из главных дел человека на земле. В познании, при всей его интуитивности, есть одно основополагающее качество - нравственность. Честность и красота - два «крыла» художественного образа, с помощью которого писатель «перелетает» эпохи.

Знать Пушкина, Достоевского, Толстого, Блока и пытаться «отгородить» свой народ от их языка - ну не безумие ли это? Не преступление ли? Зачем одевать людям «шоры»? Я не беру сейчас возможные геополитические последствия «равнения» Татарстана на Турцию. Есть ведь и другие последствия - то, что мы называем духовной жизнью народа. И разве только татарские власти теснят русскую словесность? А федеральные? Разве у нас есть сейчас забота о писателе - классике ли, которого отправляют в «национально-региональный компонент», в компанию к Рустаму Минниханову, или современнике, который либо должен жить как бомж, либо умереть бессловесным - без книг, без издательств, без читательского признания. Нет государства - не будет и литературы.

Но, может быть, те, кто мечтает об изолированном «татарском кувейте» или о демгосударстве Россия, где все регулируется деньгами и только деньгами, просто не понимают ни значения слова, ни значимости познания? И что им тогда какой-то храм, где венчался Пушкин, и какой-то дом, где жил Толстой? В лучшем случае - это объекты туристического бизнеса для остатков «продвинутой» публики. Горе нам, горе! Горе - народам. Но горе и тем, кто пытается рассорить народы, сыграть на национальном самолюбии, провести «анализ» крови, разделить тех, кто вместе - века. Да, этим хитроумным «архитекторам», загоняющим души своих народов в новые храмы - «офисы» - никогда не понять и не постичь смысла слов Достоевского: «Между народами никогда не может быть антагонизма, если

бы каждый из них понимал истинные свои интересы. В том-то и беда, что такое понимание чрезвычайно редко, и народы ищут славы только в пустом первенстве пред своими соседями».

Но мы-то с вами, русские и татары, чуваша и мордва, украинцы и чеченцы! Неужели эту истину мы забудем?!

*Казань - Москва,
март 2001*

Где-то идет война

- Ты знаешь, я так люблю Москву, - говорила мне Седа, готовясь ко сну и сбрасывая с себя надоевшую за день одежду.

Я слушала вполуха, потому что искоса, пряча взгляд, посматривала на Седу - так она была хороша. Настоящая горянка - тонкостанная, звонкая, как здешние увертливые речки, что легко покоряют тысячелетние камни. Седа невысокая, но очень стройная - тяжелая коса не дает ей склонить голову, сутулить плечи. Теперь, когда она расплела волосы, волнистые пряди почти достигали щиколоток и казались нечеловеческим, неземным порождением - темно-каштановая дорога, по которой можно пройти всю Седу - с головы до пят. Невольно я почувствовала укол ревности - как если бы нас сейчас рассматривали мужчины и единодушно отдали предпочтение Седе. Я позавидовала - обреченно-остро - ее красоте.

- Я в Москве почти год прожила, - рассказывала между тем Седа, расчесывая перед большим овальным зеркалом густоту пушистых волос и тоже чуть-чуть любуясь собой. - Я была замужем за одним арабом...

- За ваххабитом? - уточняю я.

- Нет, что ты! Это был настоящий араб, он занимался нефтью, бизнесом. Мы поженились с ним еще до всех войн. Жили на Варшавке. Ах, как я люблю Москву! - она повернулась ко мне, черные глаза ее блестели радостью

приятных воспоминаний. Она вздохнула - время то ушло безвозвратно - и, возможно, позавидовала мне - московской прописке, обустроенной жизни в далеком, так не похожем на всю Россию, городе.

Седа погружается в сорочку - в розовую пену крупных, но тонких кружев. Здесь, на войне, у нее есть все, что нужно красавице - крем, которым она бережно увлажняет свое лицо; двуспальная кровать со свежайшим бельем, чуть голубоватым от синьки, неуловимо пахнущим песком и солнцем южного моря... А днем мы ехали мимо угрюмого кладбища; толпы родственников клубились у ворот, чуть поодаль лежало несколько десятков черных целлофановых свертков в человеческий рост. На самом кладбище высоко в небе дрожали шести с зеленой тканью - знаки убитых и неотомщенных. Дорога была запружена, и в стекла машины каменно, отрешенно и молча смотрели лица живых.

- Подумать только, - удивляется Седа, - я жила в Москве! Знаешь, я ждала ребенка, и уже был большой срок. - На нее накатила волна вечерней откровенности, которая обычно бывает в дальних поездках. - Мальчик, я чувствовала. И вдруг - выкидыш. И муж мне сразу стал противен. «Уходи», - говорю. Хотя араб был лучше наших мужчин. Он никогда не стеснялся мне помогать. Отнимет пылесос: я - сам! Правда, от своих скрывал, это стыдно, потакать женщине. И вот мы развелись, он уехал к себе, в Эмираты, а я вернулась в Ведено. А тут как раз война началась.

Седа устраивается на постели, слабо заплетает косу: «Боюсь ночью запутаться. Знаешь, есть случаи, когда младенцы погибали, задушенные волосами матери. Ужасно, правда?»

Мне постелили на полу. Я жутко устала за день от настороженности, от нервного непонимания чужой жизни. А теперь я люблюсь Седой, и мне легче, покойней, будто я дома.

- Из-за чего я не люблю войну, - говорит она тем временем, - волосы толком не помоешь, не посушишь. То воды горячей нет, то газа, то света; как я намучилась с этой косой, сколько раз собиралась отрезать, уж и ножницы возьму - нет, жалко!..

Днем я видела Грозный. Нас возили посмотреть центр - на предмет возможного восстановления. Кажется, эти развалины были всегда, руины-декорации для съемок кино, телесериала; местные «виды» кочевали из одного выпуска теленовостей в другой. Эти сплюснутые металлические киоски, такие, будто кто-то бил по ним гигантским, беспощадным кулаком; арматурные остовы; жалкие остатки блоков, железобетонных плит. На одной из уцелевших стен косо висела вывеска: «Пошив кепок. 200 метров». Стрелка вела в завал, в кучу щебня, стекла, остатков оконных рам, дверных проемов...

Мы объехали еще несколько таких же безнадежно раздолбленных мест и вернулись в поселок. Здесь, в доме одного из местных начальников, я и познакомилась с Седой.

Седа заплела свой «ночной вариант», повернулась ко мне, лежит, опершись на локоть. Сквозь частые кружева читается ясная линия ее тела, небольшой груди, плеч.

- У меня в Грозном была квартира, и, представляешь, повезло: когда бомбили, дверь металлическую заклинило. Ну, окна, конечно, вылетели, это ничего. Но главное - дверь! У меня внутри почти все уцелело, только мебель осколками побило. Мы потом с дядей Рустом приехали, вырезали дыру автогеном, забрали вещи. А у соседей мародеры все разграбили.

Я слушаю ее мягкий, журчащий голос и «плыву», барахтаюсь в воспоминаниях минувшего дня. У чеченских мужчин - блестящие глаза. Блестящие глаза и начищенные ботинки. Я заметила, как покорно гаснут их взгляды, встречаясь с моим. Я - гостья. Но Седа?! Я долго не решаюсь ее спросить, и все же говорю:

- Почему ты не замужем, Седа?

Она отвечает просто, как близкой подруге:

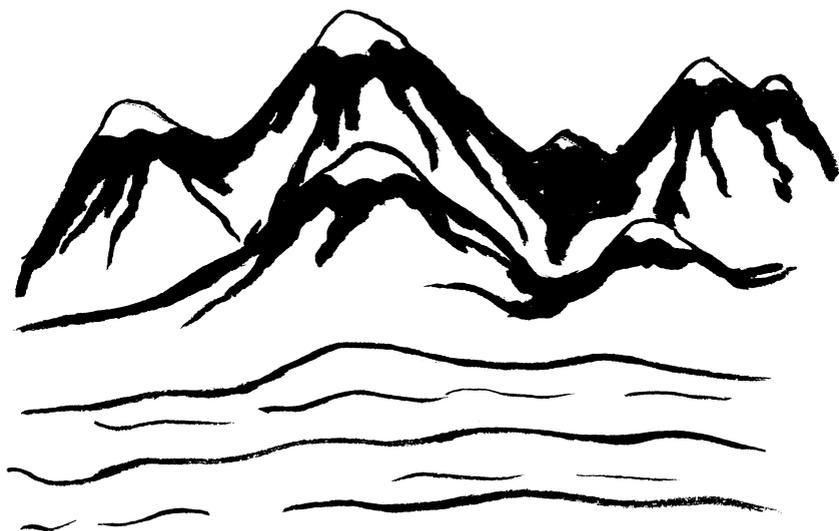
- Лишь бы выйти - так не хочу... А чтобы увидела и сердце замерло - не встретила. Скажи, - глаза ее расширяются, зрачок делается большой, темный и любопытный, - тебе нравится Иса?

Я знаю, что жена и дети Исы в России, а здесь, на войне, его ночи делит с ним Бэла, женщина, у которой наступают последние годы красоты. Иса кажется мне доверчивым, глаза его блестят наивно, как две новые черные пуговицы, а «государственные» размышления его незамысловаты, просты, без ожидаемой восточной хитрости. В нем много силы, мало коварства; Бэла умней его, тоньше и мудрей. Она чуть грузна, черноока, разговорчива и любит Ису с той изрядной долей женского отчаяния, которое приходит на излете последней власти, когда старость чувства уже тревожит ночами. Об этом я говорю Седе и ловлю себя на узорчатости слов; это, возможно, потому, что в нашей спальне два роскошных ковра - на полу и на стене - оба с тончайшим, мучительным в разгадке, орнаментом.

- Да, все так и есть, - соглашается Седа. - Ну что, спим?

- Спокойной ночи.

Седа выключает свет. Матовые лампы люстры пропададут в темноте. Тихо. Черная ночь сочится сквозь турецкий тюль занавесок. Тревожно и одиноко. Седа спит спокойно, бесшумно, даже дыхания не слышно. На окраине поселка глухо заработала артиллерия. Картины ушедшего дня заскользили перед глазами: горы и Грозный, блестящие глаза чеченских мужчин и мальчишек; длинные юбки женщин; чужая гортанная речь; Седа расчесывает волосы перед овальным зеркалом... Я вдруг ощутила беду, опасность; богатый, крепкий этот дом спал; спали хозяйева и гости, Иса и Бэла, дядя Рустам, Таисия (все имена изменены. - Авт.), их дети, спали офицеры, уставшие за день от ответственности за наши жизни; заснули наконец и пушки на окраине поселка, прочистив свои

огромные жерла, спала Седа... Только когда в окне посередело, я смогла забытья коротким, утренним сном.

Но прощались мы весело. Сохранилась фотография на память - Седа, Бэла, Иса и я. В обнимку, положив руки на плечи, мы стоим во дворе дяди Рустама.

- Ну вот, - сказал Иса, когда «птичка вылетела» и можно было уже не позировать, - русские и чеченцы - братья навеки.

...Помню выпуск теленовостей, грозненские «декорации», спешащий голос диктора, мелькнувшего в кадре плечистого чеченского милиционера - со слезами на глазах он потрясал женской босоножкой, кажется, с правой ноги; слова об очередном подрыве на фугасе очередного автомобиля, в результате чего «погибла служащая грозненской администрации». В то утро, от которого осталась одна фотография, оказывается, мы прощались с Седой навсегда. Навеки...

2001

СКВОЗЬ МГЛУ

Гореть во мгле - трагичное искусство,
Лишь погаси и сердце кинет в дрожь.
Возникнет мир, в котором пусто, пусто, -
На брошенное кладбище похож.

Валентин Сорокин

Жизнь нормального человека и нормального литератора сейчас во многом состоит в противостоянии «общественному мнению». «Фильтры» засорены. Вторичная, словесно-виртуальная действительность рождает «третичную», не имеющую уже ничего общего с первичной, с основой. А ведь людям нужно вернуть нравственное зрение, без которого человек, вооруженный телескопами, приборами ночного видения, локаторами или даже контактными линзами слеп и беспомощен. Но абсолютное большинство тех, кто творит «общественное мнение», убеждено в том, что никакого ценностного критерия не нужно, никакой «вертикали», иерархии - они вредны. Надо гнать «шум», «муть», и на этой грязной информационной волне делать свои делишки.

В такой ситуации особенно возрастает роль любого нравственного дела и особенно - писательского. Писатели - родники народа. Как бы ни были они сейчас оттеснены и «задвинуты», заменены суррогатными «пепсями» и «колами», пока есть чистое, образное сло-

во, есть надежда на спасение. Потому что душевное, сердечное слово, слово, напитанное красотой и чувством, есть сама природа, без которой нет человека. Природа, во всем её многообразии, природа в цельности и гармонии, с главной движущей силой - любовью. Природа, так противостоящая нынешней «стильности» в литературе. Стиль сегодня есть не высота нравственного пути литератора. Стиль - способ легализации и эксплуатации уродства, некрасивости. Чем больше «стиля», тем больше террора к окружающему бесстилию, естественности. Стиль (а собрание стилей и есть «общественное мнение») начинает диктовать остальным «моду», потому что он не занят ничем, кроме себя самого. Стиль - Владимир Сорокин, стиль - Виктор Пелевин, стиль - Борис Акунин. У одного - экскременты, у другого - эксперименты, у третьего - эксцентрик-менты... Нехудожественно? Но это же стиль такой! Между тем «извращенное искусство может быть непонятно людям, но хорошее искусство всегда понятно всем» (Лев Толстой).

Писатель - это человек, в котором «все должно быть прекрасно» - далее по Чехову. И слова, и мысли, и поступки. И одежда, и общественное поведение. Красота - общественно-национально-биологическая категория, позволяющая человеку отличать дурное от хорошего, высокое от низкого. Нет чувства красоты - и полный сбой в жизненной системе координат, в ежедневном, в ежесекундном выборе, в слове и деле, которое человек оставляет после себя.

А теперь посмотрим, как обстоит дело с чувством красоты у слабого, или, по-другому, прекрасного пола.

* * *

Это лето выдалось в Москве удушающе-жарким, когда, казалось, не будет никакого спасения от пекла просмогованных небес, от асфальтовых испарений, от тесноты огромного, скученного города.

В один из таких дней иду по самому центру Москвы, где сосредоточены офисы, конторки, кафешки, представительства фирм и нет ни одного живого деревца на горизонте. У дверей офиса стоят две дамы - на вид лет по 25-27. Видно, выдался перерыв в работе - курят. Ну, курящей женщиной сейчас никого не удивишь - в городе я часто вижу девушек, которые широко, по-деловому шагая, дымят на ходу, успевая хлебнуть пива из бутылки в перерывах между затяжками. Что потрясло меня в этих, офисных дамах? Жара стояла страшная, уж было, наверное, градусов тридцать пять и, это, чувствовалось, не предел, а женщины были одеты в черные (!) брюки, в черные же, кургузые пиджачонки, и кажется даже, что и блузки на них были в тон (не выбиваться же из стиля!), что-то синтетически-темное, не запоминающееся. Я остановилась и уставилась на них, как громом пораженная. Признаться, в первую минуту я подумала, что черные их одеяния в эту несусветную жару есть знак траура. Но, прислушавшись к мирной, пустой, веселой беседе, я поняла, что ошибаюсь. Этим молодым женщинам комфортно и удобно в черных одеждах, а сигарета для них - лучшее средство разрядки.

Спрашивается, чем эти существа отличаются (внешне) от мужчин? Они так же коротко стрижены, курят ничуть не реже и не меньше, носят брюки и ходят размашисто и твердо, прочно ставя стопу... Женщины теперь, как известно, поднимают тяжести на мировых чемпионатах, участвуют в боях без правил, берутся президентствовать, хвалясь при этом своими симпатиями к «нетрадиционным» половым ориентациям (Финляндия); женщины гордятся жесткостью прозы и натурализмом в поэзии, да и мало ли в чем они еще преуспели!..

После этого совершенно рядового и ничем не примечательного случая, наблюдаемого мной в центре Москвы, я присмотрелась к городской толпе. Из десяти женщин-москвичек не меньше семи обязательно будут

в брюках, с «брючным» же поведением, образом мышления и отношением к жизни. У нас, у женщин, много претензий к мужчинам: «алкаши, лентяи, слюнтяи...» Но, как бы ни были плохи наши мужчины, до нас им пока далеко. Если они и деградируют, то, по крайней мере, в своем, в мужском обличье, а не в бабьих юбках и не с румянами на пол-лица. Самый распоследний алкаш и бомж, в общем, негативно отнесется к «голубому» поведению и к попыткам извращений в мужской среде. Но почему же мы, женщины, так демонстративно отвергающие хотя бы внешние признаки женственности, все еще, по старой привычке, тоскуем о какой-то «любви», верности, заботе, высоких чувствах? И разве любить женщину, пахнущую табаком и пивом, быть с ней в одной постели, разве это не извращение для нормального мужчины?! Так кто же хуже? Кто в вечной упряжке «мужчина - женщина» задает тон, уровень отношений? За всю семью перед Богом, как известно, отвечает отец. За жену - муж. Женщине не нужно ни за что отвечать. От неё требуется только одно - **быть**. Быть женщиной. Это так просто!.. Но в наше время - я так думаю - настоящих женщин, готовых к любви, к материнству - значительно меньше, чем нормальных мужчин. Кто тут виноватее - это вопрос другой.

Ясно одно: наши предшественники, творившие в XVIII, XIX веках, жившие в эпоху «Слова о полку Игореве...» были гораздо ближе к истине, чем мы, вооруженные компьютерами, сотовыми телефонами и, прости Господи, *пейджер*ами. Плач Ярославны:

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре -
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:
«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый

Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его молодой».

Поэт Иван Козлов, вольно переложивший плач Ярославны, посвятил свое произведение княгине З.А.Волконской. Княгиня - аристократка, и жена князя Игоря, Ярославна, - аристократка. А Николай Некрасов не только восхищался самоотверженностью жен декабристов, тоже аристократок, но и оставил нам портреты крестьянок - в горе, в радости, в спасающем труде, в раздумье, в мечте.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных, как ночь...

А художник Иван Аргунов оставил нам «Портрет неизвестной в русском костюме». Помните? Красные бусы, сарафан, кокошник, спокойный, полный достоинства взгляд. Как все просто! И как вечно - чем не русская Джоконда?! А другой Иван, Крамской, оставил нам другую «Неизвестную» с её чуть надменной, гордой посадкой, шляпкой, муфтой... Но что неизвестного было бы в этих женщинах, если бы они, еще не на картине, в жизни, садили бы пиво из банки или из бутылки?! И уж, конечно, красивый корнет из некрасовской «Тройки» вовсе и не стал бы заглядываться на офисную «телку» с сигаретой. Да и ей нужен ли кто? Самой себя хватает... А Иван Козлов, гвардеец, светский щеголь, стал бы он посвящать княгине Волконской свою «Ярославну», если бы она вела себя, как подпоручик, маршировала в гусарских рейтузах и звенела шпорами?! Да, вся эта эмансипированная куряще-пивная-брючная масса есть существа, отрицающие женскую свою природу и смысл.

Из нашей жизни и из нашей литературы постепенно уходит женщина. Со страниц современной прозы на

нас смотрит ущербное, закомплексованное, злобное существо, и давно уж не видать ни Татьяны Лариной, ни Анны Карениной. Возьмите толстые журналы, особенно «передовые», соросовско-демократические, этих певцов реформ и преобразований, офисов и олигархии. Из десяти рассказов в семи случаях обязательно будут «брючные» женщины или не будет их примет вообще (то, что из нашей литературы ушли дети, об этом уж и говорить нечего). Женские образы, созданные жизнью, увы, вовсе не способствуют рождению красоты, высоких чувств. Да и сами писатели-мужчины, даже не в жизни, а в своем воображении, уже не могут создать, собрать жизнеспособный образ красивой, человечной женщины. (Хотя в недавнее, советское время эта задача еще была посильна. Как бережно, заботливо рисует женский образ уральский писатель Иван Акулов! Что за чудо матери и сестры, любимые, невесты, дочери из его рассказов, романов, повестей! Пожалуй, в искусстве творения женского образа в эпоху соцреализма Ивану Акулову нет равных. Лишь Юрий Бондарев со своими романтическими, женственными горожанками, чистыми, юными и незащищенными мог с ним соперничать).

Литература - зеркало, в которое смотрится народ. И тот образ, который он видит, надолго, по крайней мере, на поколение, запечатлевается в его сознании. Да, красивые женщины у Юрия Бондарева и Ивана Акулова! Но ведь и писать им, видимо, было с кого! Помню маму мою, в молодости - с темной косой, синими глазами; статную, аккуратную, в ситцевом платье и косынке; помню её склоненную над шитьем и книгой, помню вышитые ее руками подзоры и набожники, наволочки и полотенца. Крестьянка - красавица! Четырех детей они с отцом вырастили, и дом - сберегли.

Мама для меня - единственная, но одна ли она такая была? Светлана Кузнецова, сибирская поэтесса, из книги «Соболи», 1965 год:

Сумерки наш угол одолели.
Сумерки от боли берегут.
У тебя по свитеру олени
Долгою дорогою бегут.

До чего ж большая доля вышла
Маленьким на тоненьких ногах!
Я сама придумала и вышила
У оленей звезды на рогах.

Всего-то восемь строк - всё стихотворение. И слова «люблю» нет, и слово «нежность» не сказано, а сколько любви и нежности, тревоги, заботы и высокой мечты в этих вышитых воображением звездочках! И чтобы родить такие строки Светлана Кузнецова должна была быть только такой, какой видит ее читатель на портрете в книге: белокурой, густоволосой красавицей с чистым, идеальным профилем, с чуть заметной грустинкой в больших, глубоких глазах... А вот стихотворение «Мадонна» уральской поэтессы Людмилы Татьяничевой, написанное в 70-е годы:

Наперекор
Изменчивой молве
Художники
Прославили в веках
Не девушку
С венком на голове,
А женщину
С младенцем на руках.
Девичья красота
Незавершена:
В ней нет еще
Душевной глубины.
Родив дитя,
Рождается мадонна.
В её чертах -
Миры заключены.

Статная, чернокобая, познавшая счастье любви и материнства, Людмила Татьянаичева - сама мадонна, и потому у нее было право сказать, написать, без назидания и занудности: мать открывает для ребенка целые миры, вселенные. Женщина - корневая тайна всякого народа, самое большое его богатство, потому что только женщина родит ребенка и, по большому счету, ведет его по жизни материнским своим сердцем, голосом. И то, что женщины развенчали свою тайну, разрешили тащить на экраны ТВ прокладки, «критические дни», сравнялись с мужчинами в одежде, пивных забавах, курении, экстремальных профессиях, «производительности труда», ну, прибавило ли это все нам любви?! Никто *таких нас* защищать не будет. Мы не рождаем чувство любви. Мы уже не сестры, не жены, не матери, не любимые, мы **синглы** (от англ. единственный, отдельный). Люди, решившие не обзаводиться семьей ради карьеры, не обременяющие себя детьми.

Этот выбор женщины (и мужчины) уже делают не на сознательном, а на подсознательном уровне. Еще Эрик Фромм в книге «Иметь или быть?» писал о людях с рыночным характером, которые не умеют ни любить, ни ненавидеть. Чувства не нужны - они мешают - действовать в одном ритме и логике с «мегамашиной», частью которой они являются. А ведь чувства, чувствования - это наши «краски», с помощью которых мы расцвечиваем мир, делая его ярче, многозначней, счастливее. Чувства - это то, что позволяет нам дойти, добратся до сути мира, до его глубины, высоты. Без чувств нет для человека Родины, национального достоинства, Бога. Сияющий крест на восстановленной церквушке и тысячи, десятки, сотни тысяч потемнелых, заброшенных крестов на русских кладбищах бесчувственного человека не тронут, времена не сомкнут... Расчеловечивание человека - беда нашего времени, многими, к сожалению, не понимаемая, не осознаваемая. И разве убийство жен-

щиной женского в себе не есть явный, вопиющий признак этой беды?!

* * *

Сентиментальные наши телевизионщики, систематически занимающиеся выливанием помоев и похотливой грязи на наши головы и наши души, раз или два в году непременно вспоминают «пр'о Р'оссию» и «пр'о кор'ни». Тогда срочно снаряжается телегруппа, и со всем своим хозяйством - штативами, тяжелыми камерами - рабы прогресса отправляются в какую-нибудь глухую деревню. Здесь непременно обнаруживаются бабушки в платочках, наши русские бабушки, с морщинистыми лицами, со всё понимающими глазами, со всепрощением в тяжелых, изнуренных непосильной работой руках, сложенных на праздничной, специально надетой для съемок запонке... «Натура» мелькнет на телеэкране, а дальше пойдут бесконечные голые задницы, ляжки, обнаженные груди, грязные политизмышления, рассуждения об опасностях ислама, трупы из Чечни, монстры, вампиры, и снова: ляжки, ляжки, ляжки...

А я думаю: какое счастье для городских детишек - внучат - знать эту доброту, эту бесхитрость, эту верность простых, точных, неоспоримых наставлений «темных», далеких от пр'огресса деревенских бабушек! Сергей Есенин пишет: «Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад». Не будь Арины Родионовны, Пушкин не состоялся бы, не вырос в национального гения. Не будь нынешних деревенских бабушек, сколько детишек оказались бы безвозвратно обворованы сложившейся «информационной средой», «виртуальным миром», «стилями», «машинными отношениями»! А теперь подумаем, в каких бабушек превратятся нынешние женщины-синглы? Не в тех ли мумиеобразных, раскрашенных косметикой туристок-иностранок, что в старости мотаются по всему

миру, набираются впечатлений (каких? к чему?), стремясь убить в душе пустоту, заслонить «достопримечательностями» наползающую тень смерти. Да и родятся ли у этих синглов дети? Пойдут ли внуки?

В одном областном городе я познакомилась с журналисткой Тамарой. 19-летняя броская девушка, учится на дневном отделении педуниверситета, на филфаке, подрабатывает в региональном «Московском комсомольце». Мне она рассказывала:

- У меня мама тоже педагог, преподает литературу. Мы с ней утром встанем, кофейку попьем, вместе покурим... (Тамара дымила, как паровоз, при каждом удобном случае.) Папа, нет, он у нас некурящий. А брату, Виталику, всего 9 лет, родители его избаловали страшно. Я родителей зову по именам: папу - Виктором, а маму - Зоя. Ну, некоторые этого не понимают. Но это же - классно. Мы с родителями - друзья.

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Или:

Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!

И еще:

Снится мне мама, седая, седая,
И говорит: «Я еще молодая,
Ты же совсем у меня молодой,
А уж седой-то, седой-то, седой!»
Вот и сидим, и глядим друг на друга,
Кто же седеет нас: жизнь или выюга?

Я думаю: бедный Виталик! По ТВ - ляжки и прокладки, дома - Тома и Зоя - подружки, а в жизни - никакой тайны, никакого открытия. Мальчик и грязь.

Недавно посетила родные пенаты - Воронежский педуниверситет, бывший пединститут. В советские времена, в застой, такие вузы были, как известно, обителью скромных деревенских девиц да Гриш Добросклоновых, мечтавших сеять «разумное, доброе, вечное». Перемены - разительны. По-прежнему соотношение девушек и юношей примерно 80 к 20, но зато внешне уловить эту разницу почти невозможно. Слабый пол поголовно курит, садит пиво, экипирован в штаны, не принужденно ругается матом и, как и Тамара, считает, это «классным». На некурящие «исключения» смотрят как на ненормальных, на «ботанов», «дебилов», «отсталых»... Наши будущие учительницы, которым мы доверим детей!

Но эти студентки, эти несчастные девчушки, выращенные в эпоху «демократических преобразований» под телеулюлюканье «Голосуй, а то проиграешь!», разве они виноватее коммерческих «писательниц», всех этих марининых, дашковых, серовых, поляковых, малышевых от одних названий детективов которых просто тошнит: «Мой муж - маньяк?..», «Мне давно хотелось убить», «Мой любимый киллер», «Не мешайте палачу». Разве могут с ними тягаться мужчины-детективщики с «Приключениями бешеного» или «Я - вор в законе».

Я спросила у нескольких продавцов детективов:

- Какие книги покупают?

- Как правило, мужчины берут «мужские» детективы, то есть то, что написали авторы-мужчины, а женщины предпочитают «женские».

- А кто больше покупает детективы: мужчины или женщины?

- Конечно, женщины!

Представляете, какие сказки расскажут своим внукам эти «новые бабушки» - читательницы дашковых, марининых, поляковых, серовых?!

* * *

Я думаю, что слово, литература есть такая же высокая технология, как физика атомного ядра, исследование космоса, лазера. И оттого, насколько нравственно здоровы, человечны люди, работающие в слове, зависит и ход машинного «прогресса». Познание неостановимо, и не пугаться его нужно, радоваться. Но только в том случае, если нравственен первоначальный смысл, усвоенный ребенком - будущим ученым, телевизионщиком, программистом, космонавтом, генералом, учителем. Тогда движение человека по жизни будет верным, выбор между добром и злом однозначным, а грядущая смерть объяснимой, оправданной и прощающей.

Слово формирует среду, бытие, «зеркало», слово либо укореняет нравственную природу в человеке, либо отравляет, искажает её, и в таком случае в конце концов будет разбито и «зеркало», и сам человек.

Мне кажется, что литература - не женское занятие, труд настоящего писателя тяжел, иссушающ, он под силу только очень сильным людям. (От женщины ждут, конечно, не силы - нежности.) Но уж если женщина взялась за это дело, предпочтя «шахту» или «пахоту» рождению и воспитанию детей, то она должна понимать, что перед ней в литературе стоят задачи более конкретные, но более трудные, чем перед мужчиной. Только осознание этого может как-то оправдать её участие в неженских делах.

Известно, что слово самообнажает человека до самого дна, раздевает догола, невольно раскрывает самые потаенные, сумеречные уголки души вне зависимости от воли и желаний автора. И в таких условиях женщина должна оставаться недоступной «Неизвестной» Крамского, сохранять всю ту же чистоту и величие, что и у «Неизвестной в крестьянском костюме» Аргунова. Эту простую и очень трудную задачу можно решить только одним путем - постоянно культивируя и укрепляя в себе нравственное чувство, женское начало, доброту сестры,

мудрость матери, красоту любимой и любящей. Без этих качеств литература, слово, изреченное женщиной, вредно, опасно и бесплодно.

Женская недоступность, тайна, это, конечно, не туман, который «напущает», допустим, в своих стихах Белла Ахмадулина. Помню, как известному поэту N., я прочитала несколько стихотворений Ахмадулиной. Он слушал серьезно, напряженно, очень внимательно, как, наверное, слушает чужие стихи каждый литератор - ведь вольно или невольно сравниваешь с собой. Помню, какие обескуражено-растерянные глаза были у N. после чтения. Он развел руками:

- Слушай, ну я ничего не понял!!!

Из книги «Сад: новые стихи» (М., Советский писатель, 1987, 160 стр., тираж - 100 000 экз.) я честно выбрала не самое «загадочное» стихотворение, напротив, одно из самых «простых» и коротких.

Лапландских летних льдов недалняя граница.

Хлад Ладоги глубок, и плавен ход лады.

Ладони ландыш дан и в ладанке хранится.

И ладен строй души, отверстой для любви.

Есть разве где-то юг с его латунным пеклом?

Брезгливо серебро к затратам золотым.

Ночь-римлянка влачит свой белоснежный пеплум.

(Латуни не нашлось, так сыщется латынь.)

Приладились слова к Приладожскому ладу.

(Вкруг лада - всё мое, Брокгауз и Эфрон.)

Ум - гения черта, но он вредит таланту:

стих, сочиненный им, всегда чуть-чуть совет.

В околицах ума, в рассеянных чернотах,

ютится бедный дар и пробует сказать,

что он не позабыл Ладыженских черемух

в пред-Ладожской стране, в над-Ладожских скалах.

Лещинный мой овраг, разлатанный, ледащий,

мною обольщен и мною приважен к похвалам.
Валунный водолей, над Ладогой летящий,
благослови его, владыко Валаам.

Черемух розных двух пересеченьем тайным
мой помысел ночной добыт и растворен
в гордыне бледных сфер, куда не вхож ботаник, -
он, впрочем, не вступал в бездумный разговор.

Фотограф знать не мог, что выступит на снимке
присутствие судьбы и дерева в окне.
Средь схемы световой - такая сила схимы
в зрачке, что сил других не остается мне.

Лицо и речь - души неодолимый подвиг.
В окладе хладных вод сияет день молодой.
Меж утомленных век смешались полночь, полдень,
лед, Ладога, ладонь и сладкий день благой.

После такой цитаты как не сказать: «Читатель, прости!» Да, больно, нудно, «тёмно», но что же делать! В Ахмадуллиной и Бродский находил достоинства.

В стихах этих, как в лавке старьевщика, чего только нет! И ладанка, и латунь, и латынь, и пеплум, и Брокгауз с Эфроном, и валунный водолей (что это вообще такое?), и световая схема, и всё это - «на природе». Считается, что «стихи не нуждаются в объяснениях», но всё-таки, что значит: *«Лецинный мой овраг, разлатанный, ледащий, мною обольщен...»* И почему «владыко Валаам» должен благословлять «валунного водолея»?! Можно только сделать предположение, что у лирической героини, на Ладоге, в «розных черемухах» был «сладкий день благой» воспоминаний о некоем лице, которое прежде в «ладони ландыш дал», но весь сюжет настолько скрыт «в околицах ума», что лучше, наверное, было бы, если бы автор за него не брался. Это, конечно, не стихи, это

плохая, путаная проза, записанная в столбик не вполне по-русски и по своим художественным достоинствам не имеющая никакого права на государственное тиражирование, во всяком случае, в таком количестве. Заполнение внутренней пустоты «всплытием» слов - не дело поэта и уж тем более не дело женщины.

Конечно, разве этот «туман» с *«гордыней бледных сфер, куда не вхож ботаник»* можно сравнивать с Ольгой Фокиной, с её простым:

- Что же это за любовь
К человеку вяжется:
Некрасивого полюбишь,
А красивым кажется!

Или со стихами Людмилы Татьянической:

У рассвета сосны розовы,
А у вечера -
Красны...
Пили светлый сок березовый
Мы на празднике весны.
Шли, держась с тобою за руки,
Избегали троп глухих.
Я плела венки из таволги
И в Тобол бросала их.
В струи белые, кипящие
Окунала их вода...
- Это всё не настоящее, -
Говорила я тогда.
- Это всё еще преддверие,
Встреча краткая в пути... -
Ты за глупое неверие
Хоть теперь меня прости!
Жаль, что ветки шелестящие
Я рвала,
Не берегла.
Жаль, что чувство настоящее
Угадать я не смогла!

У Ахмадуллиной - Ладога, у Татьяничевой - Tobол. У одной - ландыш, у другой - таволга. И тема стихотворений одна и та же - воспоминание об ушедшем чувстве. Но Людмила Татьяничева не погружает читателя в словесную мешанину, не щеголяет «пеплумом», не приплетает «ночь-римлянку», не заставляет читателя мучиться над словесными ребусами, хвататься за Брокгауза с Эфроном. А все же своим стихотворением она добивается главного - читатель переживает вместе с ней. Прежде всего потому, что самому автору *есть что переживать!* Поэзия - не наука, и не расстановка слов в определенном порядке. Можно перечитать все словари мира, но если нет чувства, если оно убито в поэте, а тем более в женщине, никакими словесными кружевами, трюкачеством, словоплетением не прикроешь наготу пустоты.

Многие современные писательницы стремятся к ахмадуллинскому «охвату», «всеобщности», видя в этом путь к «успеху», к «раскрутке»; многие гордятся, что пишут «круче», «многоумней» и «жестче» мужчин, и этой своей титанической деятельностью подсознательно заполняют уже образовавшуюся в душе пустоту. А духовная пустота никогда не родит чувство счастливой любви и вдохновения. Мужчины же между тем вовсе и не ищут в женщинах умственной «всеобщности» (она у них у самих есть). Они-то, мужчины, тоскуют в нас по простоте и цельности, врачующей их внутренний мир. Не надо женщинам создавать эпических полотен, «доставать с неба звезды» и, как говорится, лезть поперед бабки в пекло. Достаточно любить одного-единственного человека, высоко, праведно, чисто. И если дана женщине эта любовь, скверны в мире станет меньше. Есть любовь, и тогда женщина не станет штамповать безжизненных уродцев, как это делает, допустим, Людмила Петрушевская. Её книга «Дом девушек» (М., «Вагриус», 1999), аккуратная поступившая во все провинциальные библиотеки, - это клиническая концентрация смертей, убийств, самоубийств,

абортов и проч. Сделана многотрудная, скрупулезная, временами даже остроумная (а чё, один раз живем!) обработка криминальной хроники «Московского комсомольца». Даже критик Владимир Бондаренко, известный мичуринец-«центрист», безуспешно пытающийся скрестить березу с кактусом, а от бесплодных с библейских времен смоковниц добиться ананасов, и тот ужаснулся. Дрогнул. Взял да и предложил бы включить в школьные учебники и Ольгу Фокину, и Людмилу Петрушевскую! Мол, одного поля ягодки, русские люди, родились по бондаренковской «концепции», почти в один год. Будем надеяться, что Владимир Григорьевич преодолеет-таки в себе некоторые сомнения, «дождет» объединительный процесс и найдет очарование в «музыке ада» Петрушевской. Пока же процитируем его нынешние оценки художественного мира писательницы: «Её беда в том, что она катастрофически не любит человека, включая, очевидно, самое себя. (Себя-то как раз и любит. Не любила, так не печаталась бы. - Авт.) ...Человек с нормальным мироощущением не может читать прозу Петрушевской... И если не находится добра в душе писателя, то литература его оказывается литературой зла».

Да, «вредной» литературы очень много, и у неё есть своя заслуга: как прыщ указывает, что кожа грязна, так и эта литература свидетельствует о нечистоплотности души» (Максим Горький). В нынешнем же литературном процессе все идет по пословице: умные к умным, а мы - с тобой. Чем грязнее, чем прыщавее, чем нечистоплотнее писательская душа, тем больше в ней демкритика находит очарования, тем чаще её «раскручивают» и навязывают нормальным людям для чтения. Духовный бомжизм некоторых современных писательниц оправдывает и дает смысл существования продажной своре «делателей имен». И в жизни, и в литературе молодых продолжательниц дела Петрушевской предостаточно.

Но есть, наверное, и другие люди, те, кто читают Фокину, Татьяничеву, Светлану Кузнецову, Есенина, Павла Васильева, Твардовского, Тютчева, Пушкина... Они наверняка есть, иначе мир давно бы рухнул! Но критика наша, брючно-богемно-сигаретная (обоих полов), она будет самозабвенно, до экстаза, крутить «шок», клонируя все новых и новых писателей с душком мертвичины, воспроизводя себе подобных, про которых можно сказать - «и ни баба, и ни мужик». А между тем бесполость в литературе, может быть, не меньшей грех и не меньшее зло, чем бесполость в жизни. Ведь бесполой образ мира, который создают писатели, самоубийственен, потому что не верен.

* * *

Лев Толстой говорил: «В сущности, когда мы читаем или созерцаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда такой: «Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь?» Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев - мы ищем и видим только душу самого художника».

Что интересно увидел бы Лев Толстой в душе этой современной молодой поэтессы (не буду называть имени, чтобы не делать ей лишний «пиар»)?

А что кончаю дактилем,

так это *c'est la vie*.

А что спала с редактором,

так это по любви.

А что с другим редактором -

спросите у него.

А что завидно некоторым,

так что с того?

Что сказал бы об этих стихах Гоголь, Фет, Блок, Есе-

нин, Твардовский? А что написали бы о них критики Белинский, Стасов? А те, деревенские бабушки, которые один раз в год мелькают у нас на телеэкране, что сказали бы они? Боюсь, что даже Томе и Зое, «подружкам», выкуривающим по утрам сигаретку за кофе, эти стихи не понравились бы. Они бы даже не сказали: «Классно!» А вот «Московскому комсомольцу», не региональному, центральному, стихи приглянулись бы - «прикольно»! Может быть, даже депутатам - Немцову и Жириновскому - они понравились бы... Так что Лев Толстой, чудак-старикан, он тут ни при чем. Поэтесса обласкана, обцелована демкритикой, засыпана их премиями с ног до головы, она - «явление», «феномен», «открытие», «надежда русской литературы». Что и говорить - Золушка!.. Труженица. И стихи её должны, видимо, рождать в нас высокие чувства - сопереживания, человеколюбия - те самые чувства, что приходят к человеку после прочтения «Ямы» Куприна. Но залихватский секс-охват ничего, кроме отвращения, не родит. Продолжение все той же телесерии: ляжки, ляжки, ляжки...

Умыкнута, замкнута

долгим замыканием.

Пряник - первый зам. кнута.

Шоколад в капкане ем.

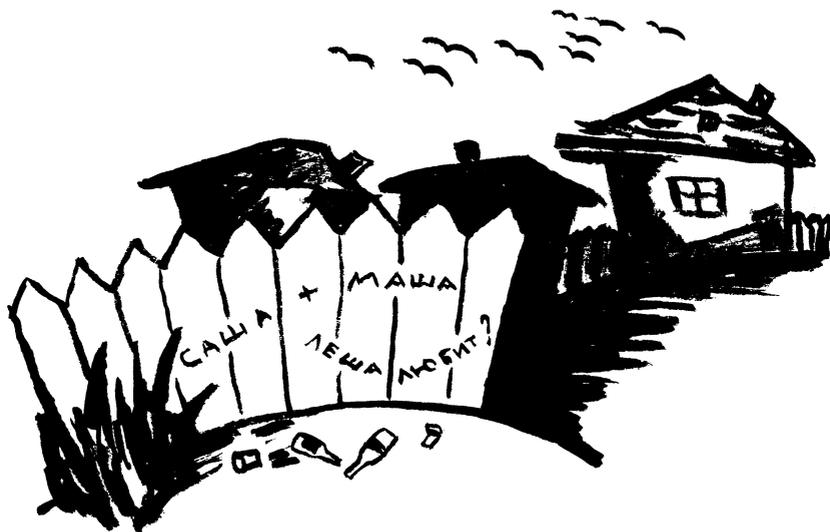
Марс не слаще Сникерса.

Стерпится. Слипнется.

Щадя читателя, я не цитирую основных лирических произведений поэтессы, продолжающих пушкинскую традицию - «я помню чудное мгновенье». Поверьте, «стерпится, слипнется» - это даже не «цветочки», не «бутончики», это жалкие ростки по сравнению с той развесистой «клюквой», которая ожидает доверчивого читателя, купившегося на рекламу демкритики. Конечно, распад личности - это болезнь, человека надо бы просто пожалеть. Но наши литраспорядители не успокоятся, пока не распространят безумие и похоть на всем

литературном пространстве страны, пока не превратят литературное зеркало в закопченную сковородку. А потом нас же и попрекнут: какие у русских немывтые, чумазые, бескультурные хари...

Лев Толстой, как известно, не особо жаловал поэзию. Но вот пример из прозы. Автор - молодая женщина, лауреат премии Международного фонда «Демократия», премии «Венец» Союза писателей Москвы. Читаем из ее книжки, выпущенной в рамках федеральной программы(!) поддержки книгоиздания России:

«Выпили. Пустую под стол.

- Это чего мы?!

- Чего?

- Последняя?!

- Ну.

- Бля...

- Ну да...

- Эбёньть... да как же это?

- Ну!

- Кошмар...

- Ёхайды, а то...»

И так на протяжении 9 страниц! Неискушенному читателю поясню, что реплики «Чего? Ну. Ну да... Ну! Ёхайды, а то...» принадлежат даме, как следует из повествования, писательнице, сочиняющей рассказы. Финал, конечно, в лучших традициях русской литературы:

«Да как же хочется, Господи, чистоты, красоты, светлости, недосыгаемости, - сыру что ль швейцарского кусок!»

И действительно, как же хочется чистоты и красоты, только не чистоты «закусочной», продуктовой, а чистоты слова, поступка, действия. Я иногда думаю: бедные наши люди! Как они устают от ежедневной, еже часной грязи! От нашего ТВ, которое стянуло на экраны всю скверну мира, от желтых газет, вроде «Московского комсомольца», где все самые гадостные плотско-лесбейски-развратные статьи подписаны женскими именами, от «культурного досуга» с книжкой - будь это детектив или «серьезная» демлитература.

Я пишу о женщине, об её ответственности перед своим предназначением, о том, что она должна быть намного более бережна в отношении к слову, чем мужчина. Но я пишу эти строки не для того, чтобы кого-то укорить или «перевоспитать». Ведь всякому думающему человеку понятно, что заполонение сигаретно-брючно-пивной массой города Москвы и окрестностей - печальное следствие того, что все мы - и мужчины, и женщины - весь народ, проиграли битву за национальное достоинство, битву за свое ближайшее будущее. Все мы - вне зависимости от пола - превращены в загнанное, бесправное, бесполое быдло, а сталинский тоталитаризм по сравнению с «новым порядком» кажется ахмадуллинскими черемухами. Да, «пр'огр'есс победил Р'оссию».

Иногда мне кажется, что нам, русским людям, никогда уже не подняться с колен, не сбросить с себя базарную мафию, опутавшую нашу торговлю и экономику, не сва-

лить информационную мафию, захватившую все рупоры «перестройки»; никогда уже нам, русским, не подойти к чистому зеркалу, и не увидеть в нем своё настоящее отражение. Увидеть нашу Родину - ее землю, леса и реки, ее горы и долины, ее просторы, ее поля и селения, ее белокрылые храмы и древние города, ее великих князей и вольных пахарей, ее героев, страстотерпцев подвижников, ее ученых, воинов и путешественников, философов и поэтов... Её женщин - матерей, сестер, дочерей.

В эти минуты тоскливо и горько на душе. Всё кажется напрасным и зряшным, жизнь бессмысленной, смыслы потерянными. Но все же, если суждено нашей Родине выжить, то не отважная Жанна в рыцарских доспехах спасет Россию, а Богородица, родившая Христа. Свет Богородицы дан каждой невесте, каждой матери, каждой жене. Этот свет выше любых литературных успехов, премий и похвал, выше книжек и рецензий, и даже выше слова. Этот свет рождает нашу любовь, а любовью жива и душа, и Родина, и литература.

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.

Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

Всё так и вышло. Всё так и будет... Низкий поклон Вам, Татьяна Федоровна, за сына!.. Низкий поклон матери Жени Родионова, русоволосого русского воина, страшной, мучительной смертью погибшего в Чечне. А всего-то и требовали от него бандиты - снять крестик!.. Низкий поклон моей маме, Наталье Ивановне. Мало, мало красивых слов говорим мы своим близким! Да, матери и сестры, жены и дочери, отцы и сыновья Россию держали и держат. Вспомним, ведь все мы когда-то были согреты общим родственным чувством - чувством причастности к родному народу. И кто, как не мы, должны сорвать покров мглы, беды, отчаянья?! Ведь без Родины нет человека. Нет веры. Нет любви. А без любви нет бессмертия, а значит, нет смысла... Но кто же из нас, любящих, с этим смирится?!

октябрь 2001

Последний блокпост

«По причине умножения беззакония,
во многих охладает любовь».

*(Мф. 24,
12.)*

...Москва, оглушенная взрывами, оставалась за спиной. Вся страна теперь чётко знала слово «гексоген». Горе, горе. В скалах Кавказа команда «Огонь!» тонула в артиллерийских залпах. Десант, презирая смерть, цеплялся за высоты. Матери оплакивали погибших, молились за выживших. Продолжалась ли жизнь?

От нашей общей, кровоточащей беды, от взорванных домов, от свежих могил ехала я в Устьянский район Архангельской области. В здешний лесах осень уже вызолотила берёзы, багрянцем, лимонным цветом коснулась ольхи и осины. Но праздник природы в мой приезд был нерадостен - неделю уж шли мелкие, морозящие дожди, отчего почернели рубленные дома деревушек, набухли проселочные дороги, а резиновые сапоги были обувью почетной и необходимой. Но не от погоды было тяжело, а оттого, что ехала я ворошить чужое горе, уже чуть зарубцевавшееся, припорошенное временем, но всё еще живое, вчерашнее. Этим летом в собственном домике заживо сгорела директор Бестужевской школы Надежда Валентиновна Верюжская и её де-

сятилетний сын Артём.

Очевидцы рассказывали, что лёгкий щитовой домик пылал, как свеча. Не было ни ветра, ни колыхания воздуха - соседние постройки не пострадали. Раннее утро - хозяйки как раз выгоняли коров на пастбище. А накануне, 19 июня, был выпускной вечер, и Верюжские вернулись домой поздно, усталые. Надежда Валентиновна, человек очень обязательный, ответственный, переживала не только за школьный праздник - что естественно, но и за День села, который должен был пройти завтра. Для сельчан она собиралась петь - голос у неё замечательный, глубокий, звучный. Но больше никто её не услышал. И даже в привычном, узнаваемом облике, не увидел. Ни её, ни сынишку, Артёма.

Версий случившегося высказывалось много. Взрыв телевизора, например. Но взрыв прозвучал уже позже, сбежавшиеся на пожар люди слышали его. Да и вряд ли Верюжские в такую рань включили телевизор - не было в семье подобных привычек. Говорили ещё, будто Надежда Валентиновна, которая недавно взяла на откорм маленького поросёнка, могла поставить на плитку подогреть молоко и, усталая, задремала. Но и в это слабо верится - слишком она была точной, собранной и ответственной. Наконец, шепчутся и о самом страшном - что жильцы были убиты, дом ограблен и подожжен. Но разве можно постичь такое предположение умом - неужели в селе нашлись люди, которые посягнули бы на жизнь десятилетнего ребёнка и женщины? Здесь, в Бестужеве, где все знают друг о друге всё, где каждый здоровается с каждым...

Дочь Надежды Валентиновны, Мария, которая за год до страшного пожара потеряла и отца, теперь работает в соседней деревушке Лево-Плосское учительницей начальных классов. Это с ней я говорю о том, как погибли её мать и брат. Закончив Каргопольское педучилище, она собиралась вернуться в мамину школу. Но

судьба распорядилась по-своему...

Слово «судьба» не раз прозвучит в нашей беседе. «Согласование судьбы со свободой человека уму недоступно», - это из Даля. Очень молодая, очень красивая девушка с ясным, чистым лицом, серо-голубыми глазами встречала меня не в уютном родительском доме, а в казенной крохотной квартирке. «Мария Алексеевна», - серьезно представилась она.

О её матери в деревне и в районе никто не сказал худого слова. И даже не потому, что по русскому обычаю о покойных следует говорить либо хорошо, либо никак. «Добрейшая женщина, хлебосольная, гостеприимная», «Её уважали в деревне, в школе, она слова никому грубого не сказала, голос не повысила», «Замечательный учитель, прекрасная мать», «А как она пела, если б вы слышали!..» Мы сидим втроем, я, Маша и Женя - лучшая подружка. Женя вспоминает давнее, счастливое время:

- Когда ехала к Маше домой, я волновалась, но увидела Надежду Валентиновну и почувствовала себя так легко, просто, что как-то забыла, что я в гостях...

Женя проходила практику в Бестужевской школе (- Сколько поставили? - спрашиваю я. - Четыре. - Чего ж не пять? - Нет, всё по справедливости, - серьезно отвечает она). Женя и Артём души не чаяли друг в друге. Женя и Маша после окончания педучилища собирались вместе работать в школе у Надежды Валентиновны. Было много планов: всем вместе «индейцами» отправиться в поход - Артём уже готовил луки и стрелы; летом запастись грибами-ягодами, завести хозяйство, осенью - в школу, ставшую такой родной - помощь моральная и методическая была гарантирована - у Надежды Валентиновны за долгую жизнь накоплено много наглядности, материалов к урокам, полезных книжек. К тому же дома и стены помогают. Теперь, когда на месте одинаково любимого ими дома осталось пепелище, девушки ничего не планируют. Все планы - самое большее на

неделю, на новую тему урока.

- От прошлой жизни остались одни фотографии, - говорит Маша.

Мистика, иначе и не назовешь - во время пожара тумбочка, где хранились фотоальбомы, вывалилась, выломилась из дома - все фотографии уцелели. И вот мы их рассматриваем - Новый, 1999 год, - семья за праздничным столом - мама, Артем, Маша, старшая сестра Наташа... Гости, родственники. Уютный, чистый дом, в который наконец заглянуло счастье. Восьмое марта - довольные, улыбающиеся лица. Женя в гостях у Верюжских. Артем в обнимку с кошкой. Надежда Валентиновна в домашней одежде, с вязаньем... У Маши больше ничего не осталось от прежних счастливых дней, кроме этих снимков. «Сестра Наташа живет в Москве, по-

просила дать что-нибудь на память. Я не смогла...»

Смерть Верюжских потрясла округу, и люди всем миром думали, как помочь Маше. По школам учителя собирали деньги. Из области на обустройство выделили

15 тысяч - правда, этих денег Маша ещё не получила (впрочем, в роно меня заверили, что деньги уже переведены на её счет). Вернуться в родную деревню на работу она теперь, конечно, не могла. А Женя не могла оставить Машу. Директор соседней, Плосской основной школы, пригласила девушек к себе. Маша преподает в первом классе, Женя ведет группу продленного дня. Молодые учительницы живут в школьной квартирке, крохотной, напоминающей комнату студенческого общежития. Две кровати, над ними полки с немногими книжками - всё, с чем собирались работать, свозили в Бестужево, и всё погибло в огне... А здесь - стол, настольная лампа, гитара в углу, добрая игрушечная собака с длинными ушами, на стене - рисунки их маленьких учеников...

И я задаю им вопрос, ответ на который они, быть может, ждали от меня.

- Неужели после такого горя можно жить, на что-то

надеяться, мечтать о счастье?

В окно учительской квартирке видны бревенчатые северные дома, хмурое небо, мелкий дождь. Дальше - река, лес, и так дорог, мил сердцу этот пейзаж, столько

в нем правды и простоты, что кажется - в нём и спасение, и врачевание. Я знаю, что есть еще в лесу зверь, птица, грибы и ягоды, в реке - рыба, что край здешний, хоть и попорчен человеком, но всё еще очень богат. А Женя, Евгения Валерьевна Сергеева, худенькая, маленькая, похожая не то что на студентку - школьницу, отвечает мне:

- Понимаете, перспективы здесь нет никакой. Хочется работать, учить, но год-два и детей здесь не будет. А значит - не будет работы. Никто не хочет рожать. Люди боятся.

...Я убеждена, что страшная смерть Артема и Надежды Валентиновны - на совести тех, кто подвел нашу страну к пропасти, нашу деревню - к вымиранию, а нашу молодежь лишил счастья иметь детей и любить их. Даже если взять самую обыденную версию - неосторожное обращение с электроприборами, то почему в богатейшей стране мира, в конце XX века, директор школы должен больше своей жизни беречь жизнь поросёночка?! Это что, нормально?! Россия кормит своих свиной грудью...

Эти скромные девушки, которых еще больше сдружила беда, неопытные, не обремененные государственной ответственностью, знают, как спасти страну:

- Вот если бы все сплотились: в районе, в области, в стране... Нам надо быть вместе, сообща.

Но пока вместе - только учителя в Лево-Плоской. Девушек приняли очень сердечно, доброжелательно. Школа заботится, чтобы они не бедствовали, не голодали. С пришкольного участка привезли два мешка картошки. При мне завуч принесла им творог, сметану. Пришел школьный трудовик, вмиг починил электроплитку. Вечерами появляются и «женихи» - местные ребята.

- Все отсюда бегут, зачем вы приехали!

- Работать...

- Да вы что, это такая дыра!

И в этой «дыре» я сижу на уроке математики в 1-м классе. Мария Алексеевна - учительница старательная, улыбчивая, доброжелательная. А ведь ко всем прочим несчастьям у неё нелегкая болезнь - сахарный диабет. Но, оказывается, даже в большой беде, можно любить не только себя. Любить своих учеников, мальчишек. Их пятеро: Денис Верюжский, Вова Пирогов, Ваня Пушкин, Петя Пушкин и Резанов Вова. Я смотрю на этих детей и думаю: их счастье в том, что они даже и не догадываются, как они несчастны. Дети, фамилии которых так знамениты в России. Многие никогда не слышали самых простых, примитивных сказок - про Волка и семерых Козлят или Красную шапочку. (Зато все благодаря ТВ разбираются в сортах женских гигиенических прокладок. Вечером, дожидаясь теленовостей в компании хозяина дома, где меня определили на ночлег, я сидела бурая от стыда. Мне было стыдно, что я - из Москвы и что я причастна к СМИ.) Так вот, все эти дети - с речевыми дефектами, речевой неразвитостью. Все - с трудовыми, крестьянскими руками - было самое время выбирать картошку, да и мало ли других дел, по хозяйству. Вряд ли им перепадут компьютерные забавы, путешествия в Эрмитаж или Третьяковку, или даже сласти вдоволь. Единственное, с чем им повезло - это со школой и первой учительницей.

Вместе с директором, Екатериной Ивановной Сухаревой, мы осматриваем школу. У директора - три гордости. Красивый просторный спортзал, не с городской бетонной гулкостью, а с запахом дерева, свежести - ребята очень любят здесь бывать. Пришкольный участок, позволяющий иметь небольшие собственные деньги, продукты. («Нам бы трактор, - мечтает директор. И тут же: - Или компьютер. Хоть один, старенький».) Но главная гордость - сплоченный учительский коллектив. К пополнению этого года - Маше и Жене -

все относятся с большим вниманием, любовью.

Екатерина Ивановна - хоть и заведует крохотной школкой - в ней 98 учеников, и карьеры, по московским понятиям, не сделала, но я утверждаю: директор Плосской основной - одна из самых ярких, мыслящих личностей в образовании, которых мне пришлось встретить за последние годы. Многие наши беды происходят от того, что мы не умеем жить общей бедой; не научились простому школьному правилу - вычленивать главное, отделять зерна от плевел, мерить свою жизнь истинными, вечными ценностями, а не сиюминутными и мнимыми. Мы долго говорили с Екатериной Ивановной о местных на первый взгляд проблемах. О веерном отключении электричества - такой «веер» может «накрыть» весь день, и дети слепнут в сумерках. О ребячьем питании - даже летом школа бесплатно кормила нескольких учеников, о которых было доподлинно известно, что дома они голодают. О том, что у главы администрации надо выхлопотать деньги на несколько пар резиновых сапог - есть тут и такие ребята, кому не в чем идти в школу. Русский гений, «архангельский мужик» Ломоносов вспоминался с грустью. Что будет дальше со всеми нами? Ведь не только «быстрых разумом Платонов», но и простых смертных российская земля вскоре не родит. Мы прикидывали и так, и эдак, но всё же пришли к одному выводу - будущего у России, к сожалению, нет. Но это не значит, что нужно опускать руки. Это ведь в нашей стране, наполненной киллерами, олигархами, проститутками и ворами, по нашему любимому ТВ, в просвете между рекламой прокладок и собачьих кормов, вдруг мелькнут ребята с дагестанских блокпостов. Наши бывшие дети, чудо-богатыри, остановившие смерть и разор.

...На прощанье я заглянула в класс к Марии Алексеевне и её ребятам. Два Вовы, Ваня, Петя и Денис.

Светлое лицо их юной учительницы, вступающей в самостоятельную жизнь с такими потерями. Уютный, но тёмный, из-за отключенного электричества, класс. Синее здание школы, старые позолотелые берёзы. Погосты с ухоженными могилами. Тысячи печальных деревень по всей России. У каждого из нас есть свой последний блокпост, отступить с которого нельзя.

*Архангельская область - Москва,
сентябрь 1999*

Три мелодии

Человеку, выросшему в деревне, нелегко в городе. Всё-то он меряет на свой манер, всё-то, при самой благополучной жизни, кажется ему вокруг неудобным, неправильным. Душа по родному тоскует - по журавлю-колодцу и журавлю в небе, по несметенному простору полей, а главное, по деревенскому участию, доброте. Много людей бежало из Лазоревки в большие города, в Москву, когда перестройка пришла. Ну, почти никто не пропал, ни сгинул, а счастья большого тоже никто не нашёл. Наезжают домой, бодрятся. Когда уж всё переговорено, странное они рассказывают. Вроде бы не житейское. Я записала эти рассказы...

История первая, рассказанная Надей Босенко.

(Она работала в Лазоревке
в швейной мастерской,
а теперь торгует на рынке яйцами.)

Какие бесцветные бывают в ноябре дни! Морозы - не пришли, снега - не упали... Небо - сплошная пустая туча, валится на плечи, прижимает к земле. Серо всё, серо. Вроде нет и дождей, но везде грязь, только последние листья на деревьях влажные, яркие. Пропадающая осень в городе - тело её связано дорогами, ма-

гистралями, птицы ее - воробьи да вороны у мусорных баков, звери её - собаки-дворняги с несчастливой, больной, как они сами, судьбой. А людям - надо есть. Десятками тысяч тонн огромный город проглатывает продовольствие, каждый день, каждый час. Город схвачен продовольственными рынками, магазинами, ларьками, одинокими продавцами с лотками. Голод - не тетка. Голод - бизнес. Люди вслед за куском мяса пойдут куда угодно, хоть в пропасть. Фарух, директор фермерского рынка, знает это наверняка.

«Фермеры» Фаруха - Ахмед, Муса, Гоги, Казбек. И еще сотни две кавказцев, никогда не выращивавших хлеб или овощи, скотину или птицу. Фермеры Фаруха - оптовики-перекупщики, монополисты-рыночники. Они умеют делать дела. Они не боятся ножа и крови. Они - сильные, богатые, держат свои семьи в достатке и без боя берут местных девушек - на забаву и на работу.

Фарух обходит свои владения. Прилавки забиты голландскими окорочками, завалены астраханской рыбой, подмосковными овощами, среднеазиатскими фруктами, турецким изюмом. Рыночный гул, гортанные крики продавцов, шум машин на дороге... Фарух прислушивается. Звонкие голосенки и пиликанье гармошки. Опять!

Он почти летит к главным воротам, летит, насколько ему позволяют грузная его комплекция и скопления покупателей на дороге.

У входа в рынок, как и три дня назад, на пластмассовом ящике из-под пива сидит знакомая парочка. Бомжи или пенсионеры - Фарух в это не входит: все едино. Мужичонка мал, тщедушен, в заношенной фуфайке и штанах, в зимней шапчонке - одно ухо с оборванной веревкой лихо задрано вверх; в бабьих резиновых сапогах. Подруга его - кругленькая, дробненькая, с побитым морщинами личиком, на котором, впрочем, яблочками

краснеют щечки; в старом коричневом платке, пальтишке, войлочных ботах. Они поют. У мужичонки - гармонь, в ногах у бабы - обрезанный напополам молочный пакет - для денег. В коробке уже тускло светятся два или три кругляшка.

Как ни был Фарух раздражен, и хоть ухо его с детства привыкло слышать другую музыку и другие инструменты, но все ж он невольно помедлил. Гармошка, разводя цветастые меха, яркие, радужные, ситцевые, сыпала звуки, добавляла басы, вела мелодию, и мужичонка, что ни говори, дело свое знал. А потом, если бы пара била на жалость, давила слезу... Но дуэт, видимо, с утра пропустив по стакану, был в хорошем расположении духа. Мужичонка наяривал, баба выводила:

Цыганочка, аса, аса,
Цыганочка, черноглаза,
Цыганочка, черная,
Па-га-дай...

Музыканты закончили номер на большом подъеме. Фарух шагнул вперед:

- Слюшай, я тебе говорил прошлый раз, говорил?

- А че, - мужичонка ловко, резиновым сапогом, подгреб коробку с монетами к ящику. - Мы поем, людей веселим...

- Слюшай, я тебе говорил: у нас солидный рынок, не отпугивай покупателя.

- Имею право, - петушится мужичок, - как гражданин России петь где угодно.

- Слюшай, дед, - угрожает Фарух, - мои ребята тебя в порошок сотрут. Вали, а?

Они долго препираются. Все же кавказское воспитание не позволяет Фаруху дать старику под зад. Как и в прошлый раз, он сует паре пятидесятирублевую бумажку, и стороны, удовлетворившись достигнутыми результатами, расходятся...

История вторая, которую поведала Катя Муромова.

(Катя и нынче живет в Лазоревке, а в Подмосковье она ездила искать сына - он там шабашничает на строительстве дач для «новых русских». Сына нашла.)

Наши электрички, плетущиеся к Москве по унылой осенней равнине - какие они старые, избитые и изношенные! Им, конечно, со временем придет конец, как и их пассажирам. Люди в старых электричках тоже старые или пожилые, или очень старые. Эти седые головы, изношенные лица, сбереженные от лучших времен одежды, выцветшие взгляды, потерявшие силу руки... Смерть запустения шатается по вагонам, бестелесная, цепкая, приставучая. Смерть нельзя победить или обмануть. Но на неё, пока есть силы, можно шикнуть, прогнать. Пошла вон, проклятая!

Поля, поля, леса, леса, небеса, небеса! Старая песня колес. Она ест сердце, потому что нет в дороге цели. Старые люди везут в старых руках молодые саженцы деревьев. Куда, зачем?

Потемнелые, без солнца, пейзажи за окном, косящие дожди, невеселые думы. Лязг дверей - опять контролеры или шатуны-торговцы, или...

Самые старые лица - светлеют. Саженцы напрягают каждую веточку, так, будто в них запульсировал молодой сок. Дед в шляпе отвернулся к окну, плечи его трясутся. Он - плачет. Как ребенок. Это - музыка.

Два баяна явились народу. Два хороших концертных баяна, надежных, проверенных временем. Музыка бушует в вагоне. Наша музыка. Только бы не кончалась, не уходила! Еще, еще! «Отговорила роща золотая». «Прощание славянки». «Амурские волны». «Что стоишь, качаясь...». «Коробейники».

Они собрали деньги, не чинясь, не унижаясь, с достоинством.

- Петя, - скомандовал обладатель большого выборного баяна, видный мужчина лет пятидесяти, - садись, уж доедем до Сортировочной, не будем бегать.

Петя, постарше, посуше, с усами, выбеленными сединой, кивнул.

Вагон, разбуженный музыкой, всё вздыхал, переживая, и робко, с надеждой, поглядывал на музыкантов. Вожак, сам, видимо, был взволнован.

- До чего дожили! - он усмехнулся. - Артисты Москонцерта, по электричкам деньги собираем. А какое звучание, какой инструмент! - он любовно, огромной своей лапой погладил малахитовый корпус баяна. - Музыка людям не нужна! Ха! А что ж им нужно? Долбежку современную - два притопа - три прихлопа? Молодежь растет - вообще не понимает, что такое мелодия. Без укола им невесело... Помню, мне повестка в армию пришла, так я прыгал от счастья. Какая девка пойдет с тобой гулять, если ты не отслужил? А теперь?!

Он помолчал.

- Вот скажи, Держинский, - напротив музыканта сидел благостный дедушка с бородкой и усами аля Феликс. - У тебя какая песня любимая?

«Держинский» деликатно, смущенно улыбнулся.

- Ну какая? - настаивал вожак. - Мы сыграем.

- Раскинулось море широко, - пропищал старичок.

- Петя.., - кивнул старший напарнику.

Они, конечно, были в ударе в тот день - море плескалось рядом, совсем рядом, оно раскинулось так широко, что было непонятно: при чем тут убогая электричка, убогий пейзаж за окном и убогая, нищая жизнь!

Баяны слаженно стихли. «Дзержинский», низко нагнувшись, стал рыться в дорожной сумке. Вынул несколько последних красненьких яблочек, протянул старшему.

- Да брось, дед, - вожак смутился.

- Бери, бери, я от сердца...

Старший встал, засунул яблоки в карман пиджака. Был он красив последней звериной силой, был осанист, росл, и тяжелый баян держал привычно и бережно - как ребенка. Он прощально окинул взглядом свое старое войско и не удержался от вздоха:

- Эх, реформаторы! Какую страну погубили! Пошли, Петро, вон электричка...

...И, подсутившись, они успевают впрыгнуть в такую же расхристанную, бедняцкую электричку, увозящую народ от Москвы...

История третья.

Ее рассказала студентка педвуза

Лена Хабарова.

(Она училась в школе на «отлично»

и решила-таки поступать

в Москву на переводчика.

Ну, хорошо хоть на учительницу взяли...)

В ноябре, перед каникулами, Ивана Николаевича Кузина пригласили в подшефную школу на праздник. Вместе с товарищами. Их, ветеранов, всего ничего осталось: он да Дьяков, да Федченко, да Брунов. Брунов, правда, не пошел - прибаливал. Он бы, и Иван Николаевич, дома остался, но случай был очень подходящим. Вот и поковылял. Потому что до другого удобного случая Кузин мог и не дотянуть. Он это чувствовал.

Федченко, правда, молодец - держался. Но он и мо- ложе Ивана Николаевича, и служил в артиллерии

(а Кузин - в пехоте), и войну закончил полковником. Федченко пришел при параде, в кителе, со всеми орденами и медалями, и спину, по военной привычке, пытался не горбить. А Иван Николаевич пришел совсем без наград, в костюме и в коричневой рубашке - пуговицы под горло. Он сильно похудел за последние месяцы, и гимнастерка с орденами и медалями, которую он надевал на День Победы или на ветеранские встречи, висела на нем колом. У него было много наград, и он взялся было перенести их на пиджак, но потом бросил - устал.

И вот этот праздник. Школа была знакомой: директор их время от времени приглашал, он любил «акции». А почему собрал - мальчишек сегодня, первоклассников, посвящали в «Богатыри земли российской». Дети, в синих пилотках, одинаковых пиджачках, выстроились в две шеренги. Самый, видимо, бойкий из них докладывал Федченко:

- Товарищ гвардии полковник! Эскадрилья 1-го «А» для принятия торжественной присяги построена. Командир Игнатов Вова.

Федченко командовал:

- Вольно...

Иван Николаевич глядел на мальчишек, и они умиляли его чистыми личиками, тонкими ручками и ножками, малым своим ростом - жизнь их была в самом начале... Несколько богатырей, правда, было в очках, несколько - сутулых, почти горбатых, один жалко тянул ногу, как птица тянет раненое крыло, но Иван Николаевич этого не примечал. Хоть решение и было им принято уже давно, и было оно единственно верным, все ж теперь, когда нужно было о нем сказать всем, он погрузился в горести. Жизнь прошла... Невидящими глазами смотрел он, как дети присягали красному, израненному знамени его дивизии, как поздравляли их Федченко, ро-

дители, директор школы и Дьяков. Другое он хотел увидеть, но воспоминания почему-то не шли. Память не вызывала прошлое. Как будто его и не было. И тогда он встал.

- Дети, а сейчас с вами будет говорить гвардии сержант Иван Николаевич Кузин, - представил его директор.

Он, не помня как, оказался у микрофона.

- Я... - голос его завибрировал, - я в ваш праздник хочу вам подарить... - он добрел до стены, взял со стула аккордеон и, шатаясь под тяжестью инструмента, вернулся к микрофону, - вот... Играйте. Пусть будет память, - и он протянул аккордеон в зал, резко, как будто желая его навсегда от себя оттолкнуть.

Директор ловко подхватил инструмент. Собравшиеся нерешительно захлопали.

- Пусть сыграет, - вдруг услышал он голос Дьякова. - В последний раз.

Он заметался, затоптался. Тотчас услужливо подставили стул. Иван Николаевич сел, влез в ремни, склонился над пожелтевшими клавишами. И с первых аккордов, с первой музыкальной фразы, всё вдруг вернулось к нему - и юность, и война, и гибель товарищей, и любовь, и свадьба, вся-вся его многотрудная жизнь! И тяжесть этого возвращения была для него почти невыносимым грузом, и он смолк. И, с колотящимся в горле сердцем, под аплодисменты, которых он не слышал, Иван Николаевич побрел к своему месту.

...Из школы он вышел налегке, и просто ему было, и совсем не больно. Рано темнеет в ноябре, и освещение на улицах - плохонькое. Но Иван Николаевич не успел привычно подумать о Чубайсе или о РАО ЕЭС. Все повседневное, суетное, обыденное вдруг покинуло его. Он даже забыл о своем болящем,

немощем теле, которое всё неохотнее служило ему, и не проходило и дня, чтобы оно не забастовало, не заныло, не заканючило... Ему почудился мягкий, тревожный, курлыкающий звук. Он вслушивался и слышал - летели и звали журавли. Это было так удивительно, что они не миновали Москвы, прилетели сюда в ноябре и во всем огромном городе нашли именно его, Ивана Николаевича. Белые, нежные птицы, так любившие кружить над его родной деревней с ласковым именем - Глыбочка. Слезы легко вытекли из его глаз. Журавли, журавли! Иван Николаевич знал, что он вернулся в детство, снова стал маленьким мальчиком, но только теперь у него не будет никакого взросления, будущего. У него ничего больше не будет! Журавли прощались с родиной. И он тоже прощался, и ему казалось, что вот только сейчас, в эти последние минуты, он, всю жизнь наигрывавший на аккордеоне чужие вальсы, песни и пьесы, сочинил что-то своё, никем не сказанное, вечное. И он плакал не потому, что боялся умирать. Он плакал потому, что ему было жаль журавлей, родину, жизнь, жаль мелодичной красоты, которая навсегда уходила вместе с ним...

...Когда я иду тихой лазоревской улицей, мне тоже чего-то жаль. Весной, после Пасхи, когда зацветут вишни и вечера поманят обманчивым теплом, единственный местный гармонист Борис Кустов пробует на крыльчке старую отцовскую гармонию. Я знаю, что я дома, что во мне много сил и мне долго еще жить; я знаю весь кустовский репертуар и, не имея ни слуха, ни голоса, даже пытаюсь ему подпевать. Но почему же мне грустно даже во время самых веселых Бориных песен?! Мне всё кажется, что и я, и Боря, и Надя Босенко, и Катя с Леной, все мы позабыли и никак не вспомним самую главную мелодию. И это беспокойство, тревога, не дают нам

жить частушечно-бесшабашно. Но, может быть, эти же самые чувства принесут нам счастье, о котором мы и не смеем мечтать...

март 2001

Содержание

Телестрасти	3
Неизвестный народ	11
Ненаписанное интервью	24
Ваш сын и брат матрос Колька	40
Соловьиное счастье	49
Новые сказки для старых русских	64
Казанский дневник	72
Где-то идет война	95
Сквозь мглу	100
Последний блокпост	123
Три мелодии	132

Лидия Андреевна
СЫЧЕВА

Последний блокпост
Книга очерков

Редактор Светлана Царегородцева
Художник Татьяна Колганова

Технический редактор Николай Петрочук
Верстка Дарья Журавленко-Славянская
Корректоры Ольга Мишина, Людмила Чухрова

Сычева Л.А.

С 95 Последний блокпост: Книга очерков. - М.: Лотос, 2002. - 144 с.

ISBN 5-86829-004-X

Очерки, вошедшие в книгу «Последний блокпост», были опубликованы на страницах центральных периодических изданий. Автор благодарит коллектив «Учительской газеты» за творческую поддержку, оказанную при создании этой книги.

Уважаемые читатели!

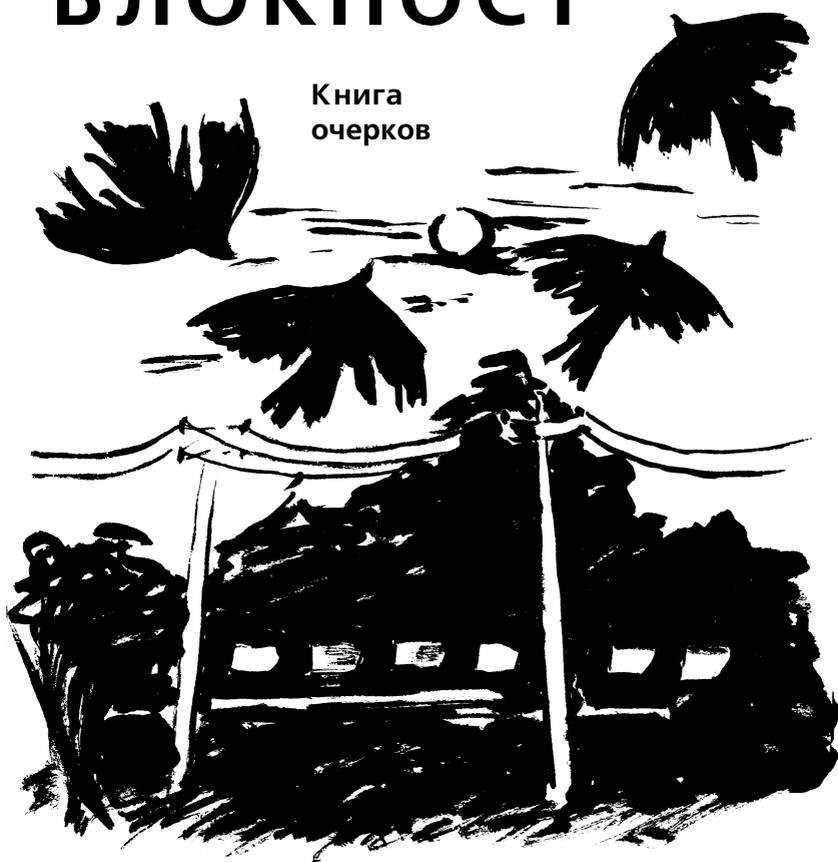
Свои отзывы о книге вы можете направлять по адресу: hronos@km.ru

ББК 83.3 (2 Рос - Рус)

Лидия Сычева

ПОСЛЕДНИЙ БЛОКПОСТ

Книга
очерков

Москва, 2002